

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77 - 40505

Мир политики и социологии

№ 1, 2010

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. М. Чибинев, главный редактор журнала «Мир политики и социологии», декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Т. Е. Бейдина, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

М. Н. Бродский, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Л. Н. Гончаренко, доктор философских наук, профессор

П. П. Глушченко, декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России

Д. А. Крылов, доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполнкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

А. В. Малышев, заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

А. В. Макаров, директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Д. В. Масленников, проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

А. Г. Никулин, начальник кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

К. Н. Оганян, доктор философских наук, профессор

А. К. Родионова, доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

М. Ю. Швецов, доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

А. В. Шемелин, заместитель главы администрации Читинского района Забайкальского края, кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ**Политика**

<i>Кузьмина А. В.</i>	Актуальные проблемы формирования правоприменительной компетентности	4
-----------------------	---	---

Социология права

<i>Стремоухова И. В.</i>	Социология права в России	9
--------------------------	---------------------------------	---

Социология

<i>Плетнёв А. В.</i>	Конфликт ценностей как фактор аномии в современном российском обществе	17
----------------------	--	----

Правовые аспекты политических процессов

<i>Nomokonova Z. P.</i>	Страхование в России как одна из социальных функций государства	21
<i>Kudimov A. V., Kalenksiy V. P.</i>	Эволюция системы публичного управления в России при приемниках Петра I	25
<i>Chibinev V.M., Khachinskiy K.B.</i>	Развитие и проблемы современного государства в условиях глобализации	30
<i>Golovinov V. A.</i>	Понятие и признаки государственного принуждения	33
<i>Polezhaev V. M.</i>	К вопросу создания единого конституционного пространства России	36
<i>Kistenev K. I.</i>	К вопросу о системе субъектов российского права	41
	Информация для авторов	45

CONTENTS**Politics**

<i>Kuz'mina A. V.</i>	Topical issues of forming law enforcement competence	4
-----------------------	--	---

Sociology of law

<i>Stremoukhova I. V.</i>	Sociology of law in Russia	9
---------------------------	----------------------------------	---

Sociology

<i>Pletnev A. V.</i>	Value conflict as a factor of anomie in present-day Russian society	17
----------------------	---	----

Legal aspects of political processes

<i>Nomokonova Z. P.</i>	Insurance in Russia as one of the social functions of the state	21
<i>Kudimov A. V., Kalenksiy V. P.</i>	The evolution of public administration system during the rule of Peter I's successors	25
<i>Chibinev V. M., Khachinskiy K. B.</i>	Developmeny and problems of the modern state in globalization conditions	30
<i>Golovinov V. A.</i>	Concept and characteristics of state enforcement	33
<i>Polezhaev V. M.</i>	On the creation of common constitutional space of Russia	36
<i>Kistenev K. I.</i>	On the system of the Russian law subjects	41
	Information for the authors	45

ПОЛИТИКА

КУЗЬМИНА Алла Владимировна,
заместитель председателя Комитета
Государственной Думы по делам общественных
объединений и религиозных организаций, кандидат
философских наук
E-mail: kuzm@duma.gov.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается такой юридический институт, как правоприменительная компетентность. Автор проводит комплексные анализ структурных элементов категории правоприменительной компетентности, выявляет и рассматривает основные объективные и субъективные обстоятельства и условия формирования указанного института, формулирует и обосновывает свое определение правоприменительной компетентности, а также акцентирует внимание на доминирующих аспектах, связанных с юридическим совершенствованием института правоприменительной компетентности.

Ключевые слова: компетентность; условия формирования правоприменительной компетентности; правоприменительная деятельность.

KUZ'MINA A. V.

TOPICAL ISSUES OF FORMING LAW-ENFORCEMENT COMPETENCE

Annotation. The article deals with such a legal institution as law-enforcement competence. The author carries out a complex analysis of structural elements of the law-enforcement competence category, reveals and reviews the main objective and subjective circumstances as well as conditions for forming this institution, formulates and substantiates her own definition of the law-enforcement competence along with focusing on dominant aspects related to juridical improvement of the law-enforcement competence.

Key words: competence; conditions for forming the law-enforcement competence; law-enforcement activity.

Особая актуальность компетентности тех физических, юридических лиц, представителей властных структур, других субъектов, участвующих в применении права в современной России, обусловлена множеством как объективных условий, так и субъективных обстоятельств.

Выделим лишь некоторые из них.

1. В современной России как на обще-

федеральном, так и на региональном уровнях наблюдается небывалый рост объемов законотворческой деятельности.

Действующие юридические нормы повсеместно вытесняют из сферы социального регулирования экономических, иных отношений административный произвол, субъективизм частных властно-управленческих решений. В систему правовых нормативных регуляций включены все

группы и слои населения, во всех регионах страны.

Совершенствуется качество и усложняется само российское законодательство. Достаточно вникнуть в содержание, к примеру, Семейного кодекса Российской Федерации или хотя бы первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, чтобы осознать данное обстоятельство.

2. Кардинальные изменения происходят и в понимании современного права, его сущности, структуры, функций, роли и значимости не только для государства, но и для каждого физического, юридического лица, активной правоприменительной деятельности в собственных интересах. Развитие идей естественности права, приоритетности прав человека, закрепленных на конституционном уровне, существенно расширяет правоприменительные возможности личности, семьи, предпринимательских структур, институтов гражданского общества.

В общественном да и в индивидуальном сознании многих граждан растет понимание важности правоприменительной деятельности, ее роли в решении многих экономических, социальных, экологических и иных проблем.

Качественное, своевременное применение права становится признаком и правовой самодостаточности и цивилизованности человека, государства, гражданского общества.

3. Демократизация всей совокупности властно-управленческих, юридических отношений оказала непосредственное и опосредованное влияние на традиционно консервативные представления о правоприменительной практике, о правоприменительном монополизме государства. Получают развитие идеи, положения, концепции о полисубъектности правоприменительной деятельности как в сфере частного, так и в сфере публичного права. В системе современных юридических отношений усиливается конкуренция, правоприменительная состязательность участников этих отношений.

Эти и другие реальные тенденции безусловно актуализируют проблематику формирования правоприменительной компетентности различных субъектов юридических отношений.

Следует обратить внимание на то, что меняются современные представления по поводу содержания как понятия «правоприменительная компетентность», так и более широкого понятия «юридическая компетентность». Эти изменения

затрагивают как объектно-предметное содержание феномена юридической компетентности, так и ее субъектности.

Расширение пространства правовой материи, своеобразный антропологический поворот права от государственного монополизма к человеку как субъекту применения права в его естественно-субъектном смысле, а также в смысле применения конкретных правовых норм действующего законодательства, иных нормативных правовых документов, в том числе локального, местного уровня, предопределяют необходимость формирования правоприменительной компетентности не только тех, кто профессионально занимается правоприменительной практикой, но и многих групп населения, выполняющих правоприменительные функции на допрофессиональном уровне, нередко не имея соответствующего юридического образования.

Юридическая, в том числе и правоприменительная, компетентность становится для многих важной жизненной ценностью. Не случаен в связи с этим повышенный интерес населения и к юридической литературе, и к юридическому образованию, и к юридическому самообразованию.

Традиционно под юридической компетентностью понимается совокупность профильных знаний, умений, навыков, необходимых для реализации тех или иных юридических функций. Это так называемая ЗУНовская парадигма компетентности.

Современные специалисты в сфере профессиологии обосновывают необходимость более системного понимания компетентности, включения в структуру ее содержательных ресурсов, наряду со знаниями, умениями, навыками, ряда психолого-характерологических, духовно-нравственных признаков, таких как толерантность, креативность, эмоциональная устойчивость, эмпатия и т. д.

В нашем понимании правоприменительная компетентность представляет собой диалектический синтез профильных универсальных знаний, умений, навыков и личностно-характерологических, ментальных ресурсов, адекватных содержанию практической деятельности по эффективному применению правовых доктрина, правовой идеологии, правовых принципов, конкретных норм действующего законодательства, образующих легитимную правовую систему

государства, в нашем случае России.

Современному правоприменителю мало знать конкретные нормы того или иного закона, стандартные процедуры, механизмы использования этих норм, нужно понимать юридические принципы, лежащие в основе того или иного закона, его роли и места в системе отраслевого права, осознавать различия в применении ресурсов публичного и частного права, формировать стиль адекватных отношений с партнерами, посредниками, оппонентами при реализации правоприменительных задач и функций.

Следует обратить внимание и еще на одно принципиально важное обстоятельство, причем очень актуальное для современной России.

В общем потенциале, причем быстро растущем потенциале правоприменительной компетентности, в его структуре следует выделить:

1. Потенциал компетентности конструктивно мотивированных правоприменителей.
2. Потенциал компетентности деструктивно мотивированных правоприменителей.

В отдельные номинации анализа, видимо, целесообразно также выделить компетентность профессиональных применителей права и компетентность тех субъектов, кто участвует в правоприменительной деятельности на непрофессиональной основе.

Проблематика компетентности деструктивно мотивированных правоприменителей – это тема специального исследования. В пределах настоящей публикации отметим лишь, что нередко компетентность, ее рост коррупционеров различного класса и уровня, тех, кто злоупотребляет правом, – определяет развитие компетентности конструктивной части как профессиональных, так и непрофессиональных правоприменителей. Этим, во многом, с нашей точки зрения, и объясняется сложность в диагностировании и пресечении подобной компетентной правоприменительной деятельности.

Анализ публикаций, посвященных проблематике компетентности, ее юридической составляющей, собственные исследования, практический опыт правотворческой, правоприменительной деятельности позволяет представить для рассмотрения структурные профили компетентности конструктивно мотивированных правоприменителей:

1. Нормативно-факторологическая компетентность.

2. Концептуально-категориальная, мировоззренческая компетентность.

3. Функционально-технологическая компетентность.

4. Психолого-педагогическая компетентность.

5. Коммуникативная компетентность.

6. Документоведческая компетентность.

7. Компетентность в сфере аргументации, логики обоснования, доказательства.

Вероятно, перечень профильных компетентностей модельного российского правоприменителя можно было бы расширить. Но и воспроизведенная структура правоприменительной компетентности отвечает, с нашей точки зрения, признакам системности и позволяет понять содержание процесса ее формирования.

Следует обратить внимание на неслучайность того, что первичное место в структуре правоприменительной компетентности отведено нормативно-факторологической компетентности, хотя наш, к примеру, английский коллега, мог бы отдать приоритет юридической концептуально-категориальной, мировоззренческой компетентности, по причине того, что фактологическую юридическую компетентность большинства англичан с полным основанием можно отнести к ментальным ресурсам, предопределяющим стиль жизни. Российское отношение к праву иное...

С нашей точки зрения, среди многих групп и слоев населения, вовлеченного в интенсивные юридические, правоприменительные отношения, ощущается острый дефицит нормативно-факторологической компетентности, выражаемый в незнании даже тех норм права, которые регламентируют повседневную экономическую и социальную жизнедеятельность – статей семейного, налогового законодательства, в непонимании механизмов, процедур их самостоятельной реализации. К примеру, норм, изложенных в Статье 5. Обычаи делового оборота, Статье 6. Применение гражданского законодательства по аналогии, Статье 1117. Недостойные наследники Гражданского Кодекса Российской Федерации, Статье 33. Понятие законного режима имущества супругов, Статье 56. Право ребенка на защиту, Статье 87. Обязанности совершеннолетних людей по содержанию родителей Семейного кодекса Российской Федерации.

Без этой первичной правоприменительной компетентности нелогично ставить вопрос о

формировании концептуально-категориальной, мировоззренческой компетентности, включающей не только знание основ теории права, конкурирующих в российском правовом поле правовых парадигм, содержания правовой политики государства, правовых принципов, основных категорий, понятий, используемых в действующем законодательстве, но и способность к их творческому осмыслению и применению в тех или иных жизненных ситуациях.

Стоит заметить, что надежды на помощь интернет-ресурсов, различного рода иных универсальных и доступных «константов» не всегда оправдываются, особенно когда их потребитель не сформировал исходную правоприменительную компетентность, к примеру, по реализации норм главы 12 «Права и обязанности родителей» или главы 13 «Алиментные обязательства родителей и детей» Семейного кодекса Российской Федерации.

Стоит еще раз подчеркнуть, что речь идет не только о компетентности судей, прокуроров, персонала правоохранительных органов, но и работодателей, представителей органов местного самоуправления, различных структур, институтов гражданского общества, юридически активных гражданах, мотивированных на реализацию своих прав, интересов, защищенных нормами законодательства.

Особую актуальность для российских правоприменителей имеет юридическая функционально-технологическая компетентность, выражаяющаяся в умении определять возможные алгоритмы, технологии, методики реализации целей, задач, функций, выбирать наиболее качественные и эффективные правоприменительные поведенческие модели, к примеру, модели поведения при реализации пункта 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации: «1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления», конкретизированной в статье 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Механизм применения данной нормы государством, его судебными органами – универсален, а модели применения данной нормы гражданином или юридическим лицом весьма разнообразны и требуют соответствующей функционально-технологической компетентности, связанной с процедурами обращения в суд,

формирования ресурсов соответствующих доказательств, их документирования, участия в судебном процессе и т. д.

В большинстве случаев правоприменительная деятельность связана с интенсивными, разноплановыми коммуникативными отношениями, что, безусловно, требует определенной коммуникативной компетентности правоприменителя, мастерства в налаживании взаимоуважительных, корректных, продуктивных отношений, в преодолении различного рода коммуникативных напряжений и конфликтов, достаточно типичных в этой сфере публичных коммуникаций. Подобная компетентность предопределяется не только навыками общения, но и юридическим лексическим потенциалом, владением методами юридической аргументации, творческим использованием тех или иных стилевых особенностей коммуникаций, с учетом их целей, задач, контекста, в котором они осуществляются.

В современных российских условиях, отличающихся повышенным потенциалом социальной напряженности, трудно переоценить значение психолого-педагогической составляющей в структуре правоприменительной компетентности, основу которой составляют умения и способности правоприменителя диагностировать самые разнообразные психолого-педагогические ситуации, возникающие в правоприменительной практике, моделировать их, находить наиболее оптимальные способы разрешения тех или иных проблемных ситуаций, в том числе определяемых ментальными, характерологическими, поведенческо-стилевыми субъективными факторами, дефектами в сфере образования, воспитания. Не случайно многие юридические вузы, факультеты как зарубежные, так и отечественные, уделяют повышенное внимание психолого-педагогической подготовке студентов – будущих профессиональных правоприменителей.

Как нам представляется, нет необходимости обосновывать значение иных структурных составляющих правоприменительной компетентности. Оно очевидно.

В любом современном правовом государстве, цивилизованном гражданском обществе формируются целенаправленно и складываются стихийно механизмы развития правоприменительной компетентности конструктивно мотивированных субъектов права.

Механизмы творческо-стихийной самоактуализации ресурсов правоприменительной компетентности формируются прежде всего на основе утилитарно-личных экономических, социальных, политических, экологических, идеологических и иных интересов, где правоприменение выступает в качестве механизма реализации подобных интересов. Индивидуальная правоприменительная компетентность приобретает статус значимого, полезного капитала. Отсюда интерес к юридическому образованию, самообразованию в их различных формах, доступных для конкретного правоприменителя.

Это модель воспроизведения правоприменительной компетентности для обогащения, в различных смыслах данного термина, собственного «Я» – «Я – личности», «Я – гражданина», «Я – предпринимателя (работодателя)», «Я – работника ГИБДД» и т. д.

В этой сфере проявляется тенденция взаимообусловленности ценности права, правоприменительной конструктивной деятельности как значимого для человека ресурса и интереса к инициативному развитию собственной правоприменительной компетентности. Чем выше значим правовой ресурс, тем развитее интерес к формированию, обновлению своей правоприменительной компетентности. И наоборот – чем ниже в индивидуальном сознании конструктивный статус живого права, тем слабее развит интерес к юридическому образованию, к правоприменительной компетентности, ибо ее дефицит не очень влияет на бытие конкретного человека.

«Поведение определяется мотивацией гораздо больше, чем способностями» [1, стр. 20], – таков актуальный тезис известного британского

психолога Джона Равенна. Актуальный и для осмыслиения проблематики мотивационных ресурсов саморазвития правоприменительной компетентности населения России.

В современных российских условиях, с учетом содержания, динамики развития правосознания, правоприменительной практики, целесообразно уделять особое внимание организационным формам, методам, моделям формирования правоприменительной компетентности, прежде всего наиболее экономически и социально активных групп, слоев населения, вовлеченных в разнообразные правоприменительные отношения.

В определенном смысле речь может идти о юридическом, правоприменительном всеобуче, о проекте формирования правоприменительной компетентности, адекватной стоящим в этом сегменте правовых отношений, правовой системы целей и задач, связанных с опережающей юридицизацией не только массового, индивидуального сознания, но и социально-экономической практики как альтернативы административному произволу и рыночному малопродуктивному хаосу допрофессионального уровня.

Ныне в России в сфере правоприменения находится чуть более 3 тысяч общефедеральных законов. Это один масштаб правоприменения.

В США применяется около 18 тысяч федеральных законов, в Германии – свыше 40 тысяч – это уже и другой масштаб правоприменительной деятельности, и, видимо, другие ее результаты, которые нам следует очень внимательно анализировать, в том числе и под углом зрения проблематики правоприменительной компетентности, причем не только судьи, прокурора или судебного пристава.

Список литературы

1. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / пер. с англ. – М., 2002.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

СТРЕМОУХОВА Ирина Валентиновна,
доцент кафедры социологии и политологии Санкт-
Петербургский университет МВД России
E-mail: stremoukhova_i@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается социологический тип правопонимания с учетом его взаимосвязи с другими типами правопонимания. Автор подробно исследует этапы зарождения и развития социологического типа правопонимания, акцентируя внимание на его доминирующих особенностях. Кроме того, автором сформулированы и обоснованы положения, объясняющие и доказывающие важность и актуальность социологических аспектов в современной теории права.

Ключевые слова: тип правопонимания; социология права; социологические аспекты права.

STREMOUKHOVA I. V.

SOCIOLOGY OF LAW IN RUSSIA

The summary. The article discusses the sociological type of law awareness with regard to its relationship with other types of law awareness. The author researches in detail the stages of formation and development of the sociological type of law awareness focusing on its dominant features. Besides the author formulates and substantiates statements explaining and proving the importance and relevance of sociological aspects in the present-day theory of law.

Key words: type of law awareness; sociology of law; sociological aspects of law.

Рассматривать историю становления и развития социологии права в России можно только во взаимосвязи с процессом институционализации общей социологии. Многие исследователи сходятся во мнении, что в процессе становления социологии в России можно выделить три основных этапа: дореволюционный, постреволюционный, современный. В свою очередь, в каждом этапе можно выделить различные периоды. По нашему мнению, интересна подробная периодизация, предложенная С. С. Новиковой [4, стр. 122-120].

Конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в. – насыщение социологическим материалом других предметов (юриспруденции, истории и т. д.) читаемых в университетах (Московский университет –

М. М. Ковалевский; Петербургский университет – Н. М. Коркунов).

1877 г. – чтение курса лекций об О. Конте и Г. Спенсер на дому (профессором Киевского университета И. В. Луцицким).

С 1895 года – оживление внимания общественности к вопросам разработки системы самообразования и начало составления и издания первых программ для самообразования по социологии (Н. И. Кареев, С. Н. Южаков).

1890-е годы – чтение для желающих факультативных курсов по социологии в высших учебных заведениях.

С 1899 года – появляется разрешение открывать в государственных университетах разного рода студенческие кружки, на которых начали

рассматриваться проблемы социологии (Петербургский университет, кружок философии права – руководитель Л. И. Петражицкий и др.).

С 1901 по 1905 годы создание М. М. Ковалевским совместно с Ю. С. Гамбаровым и Е. В. де Роберти Высшей школы общественных наук в Париже, в которой социология была обязательным курсом.

С 1908 года – чтение лекций по социологии в негосударственных учебных заведениях (Психоневрологический институт, Высшие курсы при лаборатории П. Ф. Лесгафта и др.). В том же 1908 году создается кафедра социологии в Психоневрологическом институте.

1917 год – снятие запрета чтения социологии в государственных высших учебных заведениях и школах после Февральской революции.

1918 год – реорганизация системы высшего образования после Октябрьской революции – введение социологии в качестве обязательного предмета преподавания в университетах.

1918 – 1919 года – начало реорганизации гуманитарных факультетов и создания факультетов общественных наук (ФОНов) в Петроградском университете.

1918 – 1919 годы – создание Социобиблиологического института (с 1919 г. Социологический институт), проводившего публичные лекции и чтения с целью популяризации социологического знания среди населения.

1919 – 1921 годы – учреждение Социологического института, организовавшего проведение ряда лекций (Н. И. Кареева, П. А. Сорокина и др.) для всех желающих получить социологическое образование, а также чтение ряда самостоятельных систематических курсов (П. А. Сорокина, Н. А. Гредескула, К. М. Тахтарева и др.) по социологии.

1919 год – проведение Наркомпросом по инициативе Социологического института социологических курсов для подготовки преподавателей социологии в средних школах; создание кафедры социологии на Общеобразовательном факультете II-го Петроградского государственного университета при Психоневрологическом институте.

1921 год – подписание В. И. Лениным постановления Совнаркома «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» и начало реорганизации ФОНа Петроградского университета.

1922 год – начало гонений – высылка за границу ведущих русских ученых, закрытие во всех центральных университетах кафедр по социологии.

1922 – 1923 годы – ликвидация научно-исследовательских институтов, прекращение разработок фундаментальных основ социологии.

1925 год – закрытие ФОНа в Ленинградском университете.

Процесс институционализации социологии как учебной дисциплины в данный период характеризовался отсутствием стабильности и в итоге был практически прерван на долгие десятилетия. Именно в сфере образования ярче всего проявила себя социология в период своего становления и развития. Конец XIX – начало XX вв. ознаменован бурным развитием социологии права в России. Целая плеяда русских юристов-правоведов привнесла свой вклад в становление и институционализацию данной отрасли. Среди них важное место занимает Сергей Андреевич Муромцев (1850 – 1910 гг.). Именно ему принадлежит первенство в вопросе о становлении социологии права как отдельной дисциплины.

Он отстаивал идею о том, что право следует рассматривать как многогранное социальное явление. Причем право понимается у С. А. Муромцева как социальная защита. А задачей правоведения является изучение законов «определенной группы социальных явлений, которые в совокупности образуют право». Следовательно, правоведение должно стать отделом социологии. «Поставленное таким образом правоведение должно стать отделом социологии; как вообще законы социологии, так и законы правоведения были бы законами сосуществования (статики) и преемственности (динамики)» [3, стр. 48].

Сходная концепция представлена в трудах социолога и правоведа Максима Максимовича Ковалевского (1851 – 1916 гг.) «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории и права» и «Социология». Еще в период своего обучения на юридическом факультете Харьковского университета он начинает переходить от права к социологии, так как догма права, изучаемая юриспруденцией, все больше и больше тяготит Ковалевского. Соответственно, от юридических норм надо переходить к стоящим за ними реальным социальным отношениям.

Тенденция перехода от права к социологии была характерна для данного периода становления

науки. Развитие этой тенденции привело к пониманию права как исторически возникшего института, развивающегося с течением времени и выражающего определенные культурные и социальные отношения. Согласно Ковалевскому, к праву должен применяться метод сравнительно-исторического анализа как к любому иному социальному явлению, что позволит понять закономерности исторического развития правовых систем и отдельных норм. Ковалевский подчеркивает, что в правовой системе общества отражаются весь спектр социальных отношений, культурно-этнические особенности народа, религиозная традиция и нравственный уклад. Поэтому исследователь права не должен ограничиваться догматическим рассмотрением содержания той или иной нормы, а обязан проникать глубже в социальную реальность, послужившую питательной средой для данной конкретной системы права.

Похожих взглядов на связь права и социальных отношений придерживался и Николай Михайлович Коркунов (1853 – 1904 гг.). Для его работ характерен поиск объективного социального содержания права, которое он определял как «разграничение интереса». Право, согласно Коркунову, существует и как психическая данность – в сознании субъекта, и как нечто объективное – порядок, которому индивид должен подчиняться как чему-то внешнему. Ограничиваая групповые интересы, право выступает регулятором социального порядка, который, согласно Коркунову, тем не менее никогда не реализуется во всей полноте замысла законодателей.

Интересные идеи в области социологии права высказал Богдан Александрович Кистяковский (1868 – 1920 гг.), философ права и социолог либерального направления, профессор Киевского университета. В своих трудах он уделил большое внимание таким актуальным методологическим проблемам, как детерминизм социальных отношений, значение и роль правовых норм, вопросы образования категорий социологии и права.

Кистяковский обращал внимание на то, что на практике существует расхождение формального права и реально сложившегося правопорядка. Это объяснялось, по его мнению, тем, что формальное и реальное в праве соотносятся как абстрактное и конкретное. Правовая жизнь представляет собой неповторяющийся, изменчивый поток событий, в то время как формальное право – это

фиксированные, неизменяющиеся, раз и навсегда данные нормы. Когда правовые нормы реализуются на практике, то они превращаются в социальные факты, отличающиеся от самих норм с такой же неизбежностью, с какой, например, реальный предмет отличается от своей схемы. Наиболее примечательна в этом отношении работа Кистяковского «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права». В данной работе Б. А. Кистяковский высказывает идею о том, что право – феномен социального бытия и сводить его к той или иной социальной науке неправомерно.

Поскольку право входит в различные сферы человеческой жизнедеятельности, оно подпадает под предметную область различных отраслей гуманитарных наук, и поэтому все различные его проявления подлежат самостоятельному изучению с позиции этих наук.

Как отмечает Кистяковский, наряду с существованием множества научных понятий права, не подлежит сомнению тот факт, что право как явление едино. Оно существует и в виде совокупности правовых норм, и в виде совокупности правовых отношений. И хотя задача создать единое научное понятие права оказалась неразрешимой, тем не менее возможно и необходимо создать общую теорию права. Главную проблему здесь составляют познавательные приемы, которыми должна пользоваться эта отрасль знания.

Б. А. Кистяковский являлся сторонником широкого понимания права. Только так можно получить научное знание о всех сторонах права, т. е. о всех его проявлениях в различных сферах социального бытия и сформулировать целостное представление о праве. Согласно его теории, право несет в себе субъективные и объективные моменты. Объективное право включает в себя нормы, которые рациональны, всеобщи и необходимы; субъективное право – это совокупность жизненных фактов, включающих множество правовых отношений и имеющих правовое значение. При этом изучать надо то право, которое живет в народе и выражается в его поведении и поступках, а не то, которое отражено в нормативных документах, так как оно состоит из общих, абстрактных, безличных и схематичных определений. А наиболее действенным методом при разработке и применении права является социологический, так

как именно он позволяет изучать правовую действительность и сообразовывается с нею при решении правовых вопросов.

Одним из наиболее известных имен в русской социологии права является имя Льва Иосифовича Петражицкого (1867 – 1931 гг.). Для этого периода характерно рассмотрение вопроса о соотношении права и нравственности. Так, Петражицкий рассматривал право как социально более высокое по отношению к морали, более важное для исторического воспитания человека.

Взгляды Петражицкого были направлены против устойчивой российской традиции правового нигилизма, а также против славянофильских представлений о том, что правовые гарантии в России не нужны, так как ее народ наделен множеством христианских добродетелей.

Право Петражицкий рассматривал как специфическое явление социальной жизни, причем критерием для понимания его сущности является психология. Отсюда одна из центральных проблем его работ является соотношение права и психики человека. При этом основное внимание обращалось на то, что понять мотивы поведения человека, в частности его правового поведения, может помочь психология.

Свои взгляды Петражицкий изложил в таких трудах, как «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (1905) и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» в 2-х томах (1909 – 1910 гг.).

Утверждение Петражицкого, что право является эмоцией и существует исключительно в психике индивида, не вписывалось ни в рамки представления об объективном существовании права, ни в традиционное его понимание только как позитивного, то есть свода законов, действующих в государстве. По мнению Петражицкого, человек под воздействием эмоций склонен приписывать какому-либо внешнему авторитету, себе и другим людям различные права и обязанности, проецируя на них свои внутренние убеждения по поводу того, как следует поступать в той или иной ситуации.

Петражицкий выделял два вида права: позитивное и интуитивное. Причем их достаточно трудно отграничить друг от друга. Например. Христианская мораль (интуитивное право), многие принципы которой со временем превратились в законы (позитивное право). Что лучше – вопрос риторический. Можно говорить о том, что

позитивное право является более эффективным регулятором социальных отношений, и следовательно, оно оказывает более сильно влияние на человеческую психику.

Учение о праве Петражицкого помогло сделать заметный шаг от более узкого понимания права в юридическом смысле к его социологической и психологической интерпретации.

Таким образом, основные проблемы, которые рассматривались русской социологией права в дореволюционный этап ее развития, – это

- связь правовых отношений с нормами и принципами российского права;
- соотношение правового и нравственного сознания в жизни страны на рубеже XIX – XX веков;
- выявление социальной роли различных ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) в процессе сложного и противоречивого развития страны. Необходимо заметить, что видные российские правоведы, философы и социологи того периода внесли значительный вклад в гуманитарную европейскую мысль в области социологии права, способствовали ее последующему развитию.

Следующий период в развитии русской социологии права принято выделять от октябрьской революции 1917 г. до начала 1930-х годов. Его можно охарактеризовать как период взлета (первые годы Советской власти) и падения (конец 20-х – начало 30-х гг.).

В первые годы существования советской власти социология права, как и общая социология, переживала определенный подъем. С одной стороны, развитие социологии права сохраняло свой потенциал, накопленный еще в дореволюционной юриспруденции. С другой стороны, данная наука имела поддержку на уровне государства. В 1918 – 1921 гг. преподавание социологии в вузах и даже средних школах было обязательным. Однако институционализация социологии после октябрьской революции осложнялась нехваткой профессионально подготовленных преподавателей, отсутствием в достаточном количестве учебников. К этому периоду относятся издание «Социология. Т.1. Введение, Исторический очерк учений об обществе» (М., 1917), автором которого был В. М. Хвостов; Кареев Н. И. «Общие основы социологии» (Пг., 1919); Сорокин П. А. «Обще-доступный учебник социологии» (Ярославль, 1920);

Фарфоровский С., Кочергин И. «Социология: Курс-справочник для второй ступени трудовой школы, рабочих университетов и самообразования, составленный по лабораторно-трудовому методу, с приложением вопросов, задач, тем для рефератов, таблиц и библиографии» (Казань, 1920) и др [4, стр. 122-130].

Нехватка квалифицированных преподавателей по социологии привела к тому, что для ее преподавания привлекались люди, которые не имели никакого отношения к общественным наукам. В итоге в 1921-22 учебном году социология была исключена из учебных программ. Взамен был введен курс «Развитие общественных форм». Затем ввели изучение «политической науки», в которую входили курсы: «Коммунизм», «История коммунистической революции», «Марксистско-ленинское учение истории», «Конституция СССР». Социология права была ликвидирована как предмет преподавания и осталась только в исследовательских институтах.

Кроме развития теории социологии права в 1920-1930-е годы развивалась традиция социологического изучения девиантного поведения. В 1925 году создан Государственный институт по изучению преступника и причин преступности в Москве. В это же время активно работал Всесоюзный институт юридических наук, специалисты которого проводили исследования по темам: «Растрана и растратчики», «Хулиганство и хулиганы», «Бандиты и бандитизм» [2].

Среди ученых-правоведов наиболее известным стал П. И. Стучка, который придавал исключительно большое значение правовым отношениям, подчеркивая их первенство перед нормами и правосознанием. Это явилось отражением сложившихся в советском обществе реальных отношений – низкой эффективности нормативного элемента правовой системы советского государства. Такая ситуация была обусловлена, во-первых, тем, что в условиях революции многие новые виды общественных отношений не получили адекватного периодического отражения в законах; во-вторых, – несовершенством и малой продолжительностью существования уже изданных законов.

Другой видный представитель теории права того периода Е. Б. Пашуканис в своем труде «Общая теория права и марксизм» на фоне материальных отношений выявляет механизм детерминации права. Наряду с этим представляют

интерес взгляды Е. Б. Пашуканиса о том, что для раскрытия объективного существования права явно недостаточно только знать его нормативное содержание, но необходимо знать, осуществляется ли это нормативное содержание в жизни, т. е. в социальных отношениях. Если норма права не реализуется в правоотношениях, то это свидетельствует о том, что «была попытка создать право, но эта попытка не удалась» [5, стр. 45-46].

Вместе с тем научно-исследовательская мысль 20-х годов переживала серьезные трудности объективного и субъективного характера. Одна из них – нигилистическое отношение к праву, распространенное в массовом сознании. Ряд советских ученых и государственных деятелей отрицали самостоятельность права как общественного явления.

Реальная практика того времени свидетельствует о том, что преувеличивалось значение «революционного правосознания» в то время, как ослабевало внимание к анализу юридических норм и формальных источников права. Постепенно стала складываться ситуация, при которой авторитарные суждения и оценки стали носить характер непререкаемых истин. В условиях, когда в стране складывался культ личности, ученые, взгляды которых не соответствовали жестким идеологическим требованиям, были объявлены врагами народа. Эта часть постигла П. И. Стучку, Е. Б. Пашуканиса, Я. А. Бермана и многих других.

В 1930-е годы в юридической науке господствовала эстатистская трактовка права.

Так, на основе постановления Президиума ВЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» (от 1 декабря 1934 г.) предусматривалось сокращение сроков следствия по таким делам, допускалось рассмотрение дела без участия прокурора и адвоката, исключались обжалование приговоров и подача ходатайств о помиловании. Следует также отметить, что дела лиц, привлекаемых к уголовной ответственности на основе обвинений политического характера, рассматривались вне судебного порядка с применением высшей меры наказания. Учитывая значительное число именно такого рода дел, наказание осуществлялось по спискам.

Подобный подход обосновывал абсолютный примат государства над правом и примат норма

над правоотношением. В результате чего право перестало восприниматься как живая практика деятельности людей, а задачи юристов ограничивались только исследованием текстов законов.

Сам закон рассматривался как данность, и следовательно, никакие исследования реального воплощения правовых норм в социальной практике не проводилось.

В рассматриваемый период труды по социологии права выходили в основном за границей. В частности наиболее известны такие авторы как Николай Сергеевич Тимашев (1886 – 1970 гг.) – русско-американский исследователь проблем социологии права, принадлежал к психологической школе и был последователем Петражицкого. После революции эмигрировал в Европу, а затем поселился в США. Предметом социологии права Тимашев считал групповые правовые эмоции, возникающие в порядке реакции на определенные социальные раздражители. Ее задача – выявление закономерностей взаимодействия правовой системы и социальных институтов.

Разделяя концепцию социальной природы права, Тимашев рассматривал правовые нормы как порождение определенного исторического состояния общества и государства.

Основные работы Тимашева – «Введение в социологию права» (1939), «Кризис марксистской теории права» (1939), «Три мира: либеральное, коммунистическое и фашистское общество» (1946) – посвящены насущным проблемам соотношения социальных структур и правовых норм. В частности, его интересовала проблема идентичности права, возникающая в судебной и в целом правовой практике.

Наряду с Тимашевым, следует хотя бы коротко остановиться на сущности теории Питирима Александровича Сорокина (1889 – 1968 гг.) – классика социологии мирового масштаба. Будучи учеником М. М. Ковалевского и Л. И. Петражицкого, он начал свою научную деятельность, как правовед и социолог, с работы «Преступление и кара, подвиг и награда», в которой им был дан глубокий анализ современных ему концепций наказания и предпринята попытка построить собственную теорию социального поведения и морали. Согласно излагаемой им концепции, социальное поведение индивида имеет две стороны – внешнюю, символическую, и

внутреннюю, психическую. Социолог должен исследовать внешнюю сторону, абстрагируясь от внутренней.

В «Элементарном учебнике общей теории права» (1919) Сорокин определяет право как систему правил поведения, охраняющих свободу каждого лица и согласующих ее со свободой других индивидов. Право служит свободе; и цель, и итог развития права составляет прогресс индивидуальной свободы. Любая социальная группа, по мнению Сорокина, строится на основе права. Право объективируется в социальных институтах общества, выступая регулятором их деятельности.

Новый этап в развитии социологии права начинается уже после смерти И. В. Сталина, с середины 1950-х годов. В этот период внимание советских ученых направлено на изучение субъективного права, социологический подход к правосознанию и его роли в обществе.

В 60-70-е годы XX столетия в СССР изучению подвергались такие проблемы, как социальная природа права; право и социальная действительность; характер и специфика социологических исследований в праве; право и социология; теоретические вопросы социологии права; социальный механизм действия права и др. Однако в дальнейшем исследовательская работа в этом направлении постепенно стала сворачиваться. Исторический период нашего государства, именуемый «застоем», отразился и на развитии социологии права. В ней поддержку со стороны командно-административного руководства получали различного рода сколастические теории, аморфные по своему содержанию и направленности. В то же время новаторские идеи конструктивного характера не поощрялись.

Однако с конца 1980-х годов по настоящее время начался III период в развитии российской социологии права. На волне перестройки, в условиях плюрализма мнений, стало появляться немало работ, в которых раскрывались актуальные проблемы теории и юридической практики. К ним необходимо отнести конкретные исследования и развитие социологии права; эффективность правовых норм в обществе; социология уголовного права; конкретно-социологические исследования и их роль в праве и др. Примечательно также, что в эти годы появились переводные труды известных зарубежных социологов права (Ж. Карбонье,

К. Кульчар, Я. Квашневский и др.), раскрывающие актуальные аспекты юридической теории и практики с учетом опыта различных государств [1]. К этому времени социология права сложилась во вполне самостоятельную дисциплину, занимавшуюся изучением права в контексте его социальных связей. Теоретические и методологические подходы, которые разрабатывались в рамках отечественной социологии права, применялись в различных отраслях юридической науки, в том числе в теории права. Для этого периода характерно выделение следующих основных направлений юридико-социологических исследований:

- изучение социальной обусловленности законодательства;
- исследование эффективности действия законодательства и правоприменительной деятельности;
- изучение социального механизма действия права [2].

Глобальные социальные изменения, начавшиеся в 1990-х годах, ознаменовали новый этап развития отечественной социологии права. Причем влияние этих изменений далеко неоднозначно. К позитивному проявлению, думается, следует отнести тот факт, что общая социология и ее отрасли, в том числе и социология права, были введены в обязательный курс изучения в высшей школе. Одним из первых учебников по социологии права, появившемуся в это время, является «Современная социология права», подготовленный известными учеными В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимируком.

Кроме того, этот период характеризуется возникновением различных центров, служб, лабораторий по проведению прикладных социологических исследований. В тоже время резкое снижение финансирования науки вообще и социологии права в частности лишило ее возможности развивать и продолжать самостоятельные эмпирические исследования юридико-социологического профиля.

Для современной социологии права актуальна задача формирования новых концепций социальной обусловленности законодательства, социальных факторов правотворчества, эффективности действия законодательства и правоприменительной деятельности, социального механизма действия права, социальных функций права, основанных на признании приоритета прав

человека.

Таким образом, современное состояние социологии права в России требует решения ряда ключевых проблем. Важнейшей среди них выступает проблема правопонимания, так как в зависимости от того, что мы понимаем под правом, формируются различные концепции социологии права. На сегодняшний день непреложным в правопонимании должно стать, на наш взгляд, осмысление права как сложного, системного, динамично изменяющегося социального феномена, такого, который определяется условиями и факторами, характерными для конкретного общественного состояния.

Вместе с тем следует отметить, что без глубокого анализа социологических закономерностей права невозможно дать теоретическое обоснование и раскрыть эффективную и перспективную программу реализации реформы политической системы российского общества. Между тем ее важными задачами выступают укрепление законности и правопорядка; недопущение возможности узурпации власти; пресечение различного рода злоупотреблений; обеспечение надежных гарантий конституционных прав и свобод граждан; четкое разграничение исполнительной, законодательной и судебной властей и их успешное функционирование и др.

Наряду с решением этих вопросов, необходимо подчеркнуть, что без исследования социологических аспектов права вряд ли возможно сформировать правовое государство, которое декларировано нашей Конституцией. Причем сущностной характеристикой такого государства должно стать верховенство и торжество закона, действительно выражавшего волю народа. Это характеризует такое состояние общества, при котором гражданин несет ответственность перед государством, а в свою очередь, государственная власть, действуя на подлинно правовой основе, несет ответственность перед его гражданами. Необходимо заметить, что юридический статус граждан, их права и свободы коренятся в системе общественных отношений, а право адекватно отражает и обеспечивает то, что сформировалось в противоречивой жизни. Однако в общественном сознании россиян продолжают существовать представления о правах граждан как благодеянии власти, что свидетельствует о непонимании действительных связей, существующих между личностью, обществом, государством и правом.

Таким образом, современное состояние социологии права в России требует объективного решения ряда ключевых проблем. Приоритетной среди них выступает коренная переориентация правопонимания – принципиальное изменение самого подхода к познанию права. Необходимо на практике переходить от понимания права, как

состоящего из совокупности изданных государством актов, к его осмыслинию, как динамичного, сложного системного образования, детерминированного совокупностью социальных, экономических, культурных, идеологических факторов, характерных для конкретного общественного состояния.

Список литературы

1. Ксенофонтов В. Н. Социология права. – М., 2002.
2. Лапаева В. В. Российская социология права: история и современность. //Социс. – 2008. – № 6.
3. Цит. по: Медушевский А. Н. История русской социологии. – М., 1993.
4. Новикова С. С. Особенности развития социологической мысли в России //Социс. – 2002. – № 10.
5. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. – М., 1975.

СОЦИОЛОГИЯ

ПЛЕТНЕВ Александр Владиславович,
аспирант факультета социологии Санкт-
Петербургского государственного университета
E-mail: venger.vin@rambler.ru

Специальность 22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается система ценностей, имеющая место быть на современном этапе общества, а также ее влияние на развитие аномии в обществе. Автор, анализируя основные причины зарождения конфликта ценностей в обществе, формулирует и обосновывает прямую взаимосвязь конфликта ценностей с фактором аномии в современном обществе.

Ключевые слова: аномия; либеральные ценности; конфликт ценностей.

PLETNEV A. V.

VALUES CONFLICT AS A FACTOR OF ANOMIE IN PRESENT-DAY RUSSIAN SOCIETY

The summary. The system of values existing at the present stage of society as well as its impact on the development of anomie in the society are considered in the article. The author analyzing the main causes of values conflict origin in the society formulates and substantiates the direct relationship between values conflict and anomie factor in the modern society.

Key words: anomie; liberal values; values conflict.

Масштабные социальные и экономические преобразования, произошедшие в России после перестройки, проводились на основе идеологии рыночной экономики и либеральных ценностей. Произошедшие перемены затронули практически все сферы жизни общества. В результате быстрого изменения привычного уклада жизни людей и значительного спада производства в экономике большие группы людей оказались неспособны адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Следствием этих перемен стал значительный рост преступности и поведенческих отклонений, неопределенность социального статуса людей. На основе анализа большого числа научных публикаций и статистических данных В. Кривошеев пришел к выводу, что для социальной ситуации в 90-е годы характерны

«дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей и взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения, то есть все то, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия» [7, стр. 93]. Социальная аномия в российском обществе 90-х годов, так или иначе, коснулась каждого индивида. По историческим меркам, погружение широких слоев российского общества в аномичное состояние было масштабным и очень быстрым. Влияние этого процесса ощущается и в наши дни, и социальная аномия несомненно остается актуальной и интересной темой для изучения [6, стр. 57-67].

При изучении аномии в российском обществе

большое внимание следует уделить политическим ценностям, поскольку на протяжении всей истории России ход ее развития определяла прежде всего политическая власть, ибо «именно элита, если ей выгодно, инициирует реформы, которые могут спонтанно перерости в бифуркационный взрыв» [5, стр. 269]. Поскольку в 90-х годах либеральные ценности использовались властью в качестве идеологической базы реформ, то отношение в обществе к либеральным ценностям представляется интересным предметом для анализа. Усвоение обществом этих новых для него ценностей вызвало ощутимый ценностный конфликт с традиционными, патерналистическими ценностями. Неопределенность ценностных ориентаций людей является одной из важных характеристик аномии, неизбежно сопровождающей любые масштабные социальные изменения.

Важным источником эрозии либеральных ценностей является использование их партиями всего политического спектра. Как отмечает К. С. Гаджиев [3, стр. 263], в начале XX века консервативные и социал-демократические партии приняли нововведения в государственно-политической системе, реализованные большей частью по инициативе либералов. Естественно, такое частичное принятие привело к эрозии либеральных ценностей и смешению их с идеями самого разного толка. Эрозия ценностей и утрата доверия населения к ним являются составными частями процесса социальной аномии.

В России эрозии либеральных ценностей способствовало их некритическое принятие населением и провал экономической политики, проводимой под лозунгами либерализма. Большое число российских авторов пишет о кризисе и даже о крахе либерализма в России. Красной нитью сквозь современный российский политический дискурс проходит мысль, что «опыт демократизации 1990-х гг. свидетельствует о неприемлемости идей классического либерализма в политической практике современной России. Российский народ отвергает идеи индивидуализма, нерегулируемого рынка, как несоответствующие российским традициям и менталитету» [2].

Анализируя активное принятие народом либеральных ценностей и других элементов западной культуры в начале 90-х, несложно прийти к выводу, что люди просто хотели получить западный, комфортный образ жизни. Именно с

этим связано было позитивное отношение и к западным ценностям, а вовсе не с тем, что народ принял либеральные ценности, понимая выгоды от их принятия.

На практике оказалось, что демократизация и либерализация предъявляют к каждому члену современного российского общества очень высокие требования, главным из которых является самостоятельная ориентация человека в сложных условиях современной общественной и экономической жизни. За годы советской власти люди привыкли жить под полным контролем и защитой со стороны государства. Умение принимать самостоятельные решения и выбирать модели экономического поведения целенаправленно подавлялись у тех, чья социализация проходила в рамках советского общества. В общем, в начале 90-х люди приняли либеральные цели и ценности, слабо представляя себе средства их достижения.

К тому же под либеральными лозунгами к власти пришли люди, представляющие интересы так называемых олигархов. Олигархов же интересовала, прежде всего, возможность передела собственности. В своей статье, опубликованной в газете *Ведомости*, М. Ходорковский прямо говорит об этом: «уже избирательная стада 1995 – 1996 гг. показала, что российский народ отверг либеральных правителей. Мне ли, одному из крупных спонсоров президентской кампании 1996 г., не помнить, какие поистине чудовищные усилия потребовались, чтобы заставить российский народ «выбрать сердцем»?!» [10] Резкое ухудшение качества жизни, падение производства в 90-е годы вызвало у многих разочарование и в либеральных ценностях, которые были приняты ими некритически, на декларативном уровне. Вместо того чтобы донести до населения суть либерализма простым и понятным языком, реформаторы-либералы продолжали поддерживать свою власть административными методами. Для населения становилось все более очевидно, что либеральные ценности используются этими людьми как идеологическое прикрытие передела собственности. М. Ходорковский также отмечает эту тенденцию: «свобода слова», «свобода мысли», «свобода совести» стремительно превращаются в словосочетания-паразиты. Не только народ, но и большинство тех, кого принято считать элитой, устало отмахиваются

от них: дескать, все ясно, очередной конфликт олигархов с президентом, чума на оба ваши дома» [10].

Утрата россиянами доверия к политическим ценностям была важнейшим фактором аномии в 90-е годы. Либеральные ценности вступали в противоречия с традиционными представлениями коллективизма и патернализма. В своей статье, посвященной исследованию аномии на производстве, В. Папырина пишет: «традиционные нормы регламентированного поведения в условиях рынка не действуют, а новые образцы инновативного поведения не освоены значительной частью населения. Последняя, не привыкшая к конкуренции и плюрализму, воспринимает происходящее как нарастающий хаос и анархию. А это и есть состояние аномии» [8, стр. 154]. Если в начале 90-х большая часть населения симпатизировала лозунгам гражданских и экономических свобод, то в результате экономического спада к середине 90-х идеи социальной защищенности вновь обрели популярность. По словам В. Рукавишникова:

«укоренившаяся система коллективистских ценностей входит в противоречие с новой системой либеральных ценностей, лежащих в основе проводимых реформ. По данным опроса 1993 г. 2/3 граждан полагали, что государство должно гарантировать каждому возможность получить работу и хорошие жилищные условия, и только 1/3 придерживалась того мнения, что человек должен рассчитывать только на себя; 3/4 опрошенных считали, что государство должно полностью взять на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивать их в старости, и лишь 1/4 не хотела полагаться на помощь государства в случае беды» [9].

Отношение россиян к одной из основных либеральных ценностей – демократической форме правления – хорошо иллюстрирует ситуацию в современном российском обществе. За последние 4 года, согласно опросам, проводимым Левада-Центром, вера россиян в демократию сильно пошатнулась [4]. В ходе проведения опроса респондентов спрашивали о том, нужна ли России демократия.

Таблица 1. Отношение респондентов к демократической форме правления.

	Июнь 2005	Декабрь 2006	Декабрь 2007	Июнь 2008	Июнь 2009
Да, России нужна демократия	66	56	67	62	57
Нет, демократическая форма правления не для России	21	27	16	20	26
Затруднились ответить	13	17	18	17	17

Как мы видим из этих цифр, медленно, но уверенно доверие россиян к демократической форме правления падает. Растет число тех, кто затрудняется ответить, иначе говоря, людей без четких ценностных ориентиров. Несмотря на это, больше половины респондентов одобряют идею демократии. Это говорит о том, что идея демократической формы правления проникла в сознание россиян. При этом у людей нет ясного представления о том, что такое «демократия» и как она может быть реализована на практике. Не менее интересны цифры, характеризующие отношение россиян к политической системе. В том же докладе приводятся данные мониторинга с

1996 по 2008 годы, отражающего отношение россиян к политической системе.

Цифры говорят о медленном падении доверия к демократической политической системе и росте популярности «нынешней системы». Одновременная потеря интереса к советской модели говорит о разочаровании в политических системах, основанных на ценностях. Нынешняя система популярна отчасти потому, что сохраняется в течение длительного времени. После потрясений 90-х годов люди получили относительную стабильность.

Нельзя не отметить и другую тенденцию. Если на декларативном уровне либеральные ценности

«дискредитировали» себя с точки зрения российского общества, то на инструментальном уровне ситуация иная. По мере развития капитализма в России люди убеждаются в эффективности рыночной экономики, необходимости проведения демократических выборов и в пользу от других инструментальных либеральных ценностей. Поэтому уместно говорить не о крахе либерализма в России, а о разочаровании в декларативном либерализме и об эрозии либеральных ценностей, которая характерна для всего современного западного общества. Проблема декларативного либерализма носит временный характер и потеряет свою остроту по мере укоренения в России капитализма.

Кризис либеральных ценностей в России является одним из проявлений рассогласования ценностно-нормативного функционирования общества – социальной аномии.

Резюмируя сказанное, можно со всей определенностью утверждать, что эрозия либеральных ценностей в современном российском обществе существует и вызвана тремя основными причинами:

- 1) использованием либеральных ценностей как инструмента политической борьбы;
- 2) использованием либеральных ценностей партиями всего политического спектра;

3) некритическим принятием либеральных ценностей населением в начале 90-х годов.

Утрата в обществе доверия к либеральным ценностям и неопределенность ценностных ориентиров населения являются частью процесса социальной аномии. Другим аспектом этого процесса является конфликт между либеральными и коллективистскими ценностями. Несмотря на все сказанное, можно прогнозировать, что в ближайшей перспективе либеральные ценности не утратят своего влияния. Это связано с их огромной инструментальной ценностью. Как отмечает А. Вильямс, «альтернативы либерализму нет, а его идеи завоевали мир. Важнейшие ценности либерального сознания находят выражение в риторике политических групп – от крайних консерваторов до социал-демократов. Даже противники западной модели политического устройства используют некоторые ее идеи, продолжая критиковать либерализм» [1, стр. 38]. Слова А. Вильямса в полной мере характеризуют перспективы либеральных ценностей для российского общества. По мере укоренения капитализма в ближайшие годы будет формироваться понимание высокой инструментальной ценности либеральных идей для социального и экономического развития.

Список литературы

1. Andrew Williams. Liberalism and war: the victors and vanquished (The new international relations). – New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge, 2006.
2. Баранов Н. А. Либеральный дискурс в современной России: проблемы легитимности <http://nicbar.narod.ru/statia22.htm>
3. Гаджиев К. С. // Политическая наука. – М.: «Логос», 1999.
4. Гудков Л. Д. Главная проблема эволюции России заключается в том, чтобы показать, как работает демократия Стенограмма доклада <http://www.liberal.ru/articles/4509>
5. Ельчанинов М. С. Трансформация России: синергетические аспекты // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3.
6. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. – 2009. – № 3.
7. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 3.
8. Папырина В.А. Социальная аномия на производстве // Социологические исследования. – 1995. – № 9.
9. Рукавишников В. О. Социология переходного периода // Социологические исследования. – 1994. – № 8-9.
10. Ходорковский М. Б. Кризис либерализма в России // Ведомости №52[1092] за 29.03.2004 <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2004/03/29/74085>

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

НОМОКОНОВА Зоя Петровна,
старший преподаватель кафедры административного права и таможенного дела Читинского государственного университета
E-mail: zoy11-2007@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СТРАХОВАНИЕ В РОССИИ КАК ОДНА ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы социального страхования в России.

Ключевые слова: страхование, социальное страхование, права граждан, социальное обеспечение.

НОМОКОНОВА З. Р.

INSURANCE IN RUSSIA AS ONE OF THE SOCIAL FUNCTIONS OF THE STATE

The summary. The article deals with some issues of social insurance in Russia.

Key words: insurance, social insurance, civil rights, social security.

Согласно Конституции 1993 года, Российская Федерация провозгласила себя социальным государством, политика которого направлена на создание условий достойной жизни и свободного развития человека (ст. 7). Тем самым государство приняло на себя обязательство проводить в жизнь определенную социальную политику, направленную на обеспечение достойной и свободной жизни людей, и в связи с этим оно законодательно регулирует реализацию социальных прав, устанавливая дополнительные гарантии по социальной защите граждан.

К числу последних можно отнести социальное страхование.

Социальное страхование в современных условиях развития рыночной экономики и функционирования предприятий, основанных на различных формах страхования, подразделяется, в свою очередь, на два вида: государственное

социальное страхование и негосударственное социальное страхование. В соответствии со ст. 39 Конституции Российской Федерации первый из названных видов социального страхования гражданам России гарантируется, второй – поощряется.

К важнейшим нормативным актам, регулирующим страхование и являющимся основными в системе страхового законодательства, относится, прежде всего, Конституция Российской Федерации.

В п. 1 ст. 39 Конституции РФ говорится о том, что каждому гарантируется социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, предусмотренных законом. Пункт 2 указывает на то, что государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом; в п. 3 говорится о том, что поощряется добровольное

социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность, хотя, с другой стороны, ст. 8 Конституции РФ, гарантируя свободу экономической деятельности, предоставляет страховщикам право на осуществление страховой деятельности как разновидности предпринимательской деятельности.

Статья 35 Конституции РФ устанавливает право на охрану собственности при условии равенства форм собственности (ст. 8), право на жизнь (ст. 20) и охрану здоровья (ст. 41), что выступает правовой основой, соответственно, имущественного и личного страхования.

При существующем уровне платежеспособного спроса на услуги добровольного страхования приоритетным является обязательное страхование, которое позволяет создать страховую защиту для потенциально рисковых групп населения, юридических лиц, а также значительно снизить затраты государства на возмещение ущерба пострадавшим в результате стихийных бедствий, аварий и катастроф.

Сегодня основными направлениями развития обязательного страхования являются усиление контроля над проведением обязательного государственного страхования; введение видов обязательного страхования объектов, подверженных значительным рискам и убыткам, граждан и юридических лиц, которым причинен существенный ущерб в результате стихийных бедствий, аварий.

Обязательное социальное страхование представляет собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и социального положения работающих граждан, а в случаях, предусмотренных законодательством, иных категорий граждан вследствие признания их безработными, трудовогоувечья или профессионального заболевания, инвалидности, болезни, травмы, беременности и родов, потери кормильца, а также наступления старости, необходимости получения медицинской помощи, санаторно-курортного лечения и наступления иных установленных законодательством Российской Федерации социальных страховых рисков, подлежащих обязательному социальному страхованию (п. 1 ст. 1 ФЗ «Об основах

обязательного социального страхования» [2]).

Основными принципами осуществления обязательного страхования являются устойчивость финансовой системы обязательного социального страхования; всеобщий обязательный характер социального страхования; государственная гарантия соблюдения прав застрахованных лиц; государственное регулирование системы обязательного социального страхования; обязательность уплаты страхователями страховых взносов и (или) налогов; ответственность за целевое использование средств обязательного социального страхования [3, стр. 130].

Обеспечением по обязательному социальному страхованию является исполнение страховщиком своих обязательств перед застрахованным лицом при наступлении страхового случая (социального страхового риска) посредством страховых выплат и иных видов обеспечения, установленных федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования.

Управление системой обязательного социального страхования осуществляется Правительством РФ. Обязательное социальное страхование реализуют создаваемые Правительством РФ страховщики в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования, которые и осуществляют оперативное управление средствами фондов.

Источниками поступлений денежных средств в бюджеты фондов конкретных видов обязательного социального страхования являются страховые взносы, дотации, другие средства федерального бюджета, а также средства иных бюджетов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; иные поступления, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Тарифы страховых взносов на обязательное социальное страхование устанавливаются федеральным законом. Дифференциация тарифов страховых взносов осуществляется с учетом вероятности наступления социальных страховых рисков. Особенности установления тарифов страховых взносов на обязательное социальное страхование, порядок их разработки и рассмотрения определяются федеральными законами [3, стр. 132].

К социальному страхованию относится

обязательное пенсионное страхование. Оно осуществляется Пенсионным фондом РФ, составляющим в совокупности с его территориальными органами единую централизованную систему органов управления средствами обязательного пенсионного страхования в РФ, в которой нижестоящие органы подотчетны вышестоящим. Страховщиками по обязательному пенсионному страхованию могут быть также негосударственные пенсионные фонды в случаях и порядке, предусмотренных ст. 5 ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» [1].

Медицинское страхование регламентируется Законом РФ от 28 июня 1991г. «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации», который определяет порядок обеспечения граждан медицинской помощью на основе обязательного и добровольного медицинского страхования. Принципиальное значение в этом Законе имеет закрепление положения о том, что обязательное медицинское страхование является составной частью государственного социального страхования и обеспечивает всем гражданам Российской Федерации равные возможности получения медицинской и лекарственной помощи. Для этого необходима выработка мер по расширению сферы и объемов добровольного медицинского страхования и добровольного страхования от несчастных случаев. Указанные виды страхования должны стать важным элементом «социального пакета», предоставляемого работодателями своим сотрудникам. В связи с этим потребуется совершенствование законодательства, регулирующего отношения при осуществлении этих видов страхования, а также законодательства о налогах и сборах, а именно для работающих граждан, осуществивших дополнительное добровольное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, предусмотреть снижение налоговой ставки по отчислению из заработной платы единого социального налога. Или включить в перечень социальных налоговых вычетов затраты граждан при страховании ими наиболее важных имущественных интересов (связанных с жизнью и здоровьем, владением, пользованием жилыми помещениями и домашним имуществом).

Также необходимо расширить перечень расходов организаций по различным видам страхования ответственности, включаемых в

затраты, принимаемые к вычету при исчислении налога на прибыль организаций.

Важным направлением развития страхования является совершенствование системы обязательного медицинского страхования граждан в Российской Федерации. В первую очередь необходимо перейти к страховому принципу в осуществлении данного вида страхования и иных видов страхования, имеющих социальную направленность и дополняющих системы обязательного социального страхования и социального обеспечения.

Для эффективного функционирования рынка страховых услуг необходимо создать равные условия для осуществления деятельности всеми страховыми организациями на территории Российской Федерации. В этих целях необходимо обеспечить:

- усиление контроля за действиями органов государственной власти всех уровней, ограничивающих конкуренцию на рынке страховых услуг;
- отработку системы проведения открытых конкурсов страховых организаций, привлекаемых для осуществления страхования за счет бюджетных средств;
- осуществление мониторинга деятельности страховых организаций, занимающих доминирующее положение и препятствующих доступу на рынок других страховых организаций;
- государственный контроль за концентрацией капитала на рынке страховых услуг;
- совершенствование форм статистического учета и отчетности страховых организаций, в том числе с целью проведения анализа конкурентной среды на федеральном и региональном рынках страховых услуг и определения доминирующего положения страховых организаций на таких рынках.

Для решения задач развития рынка страховых услуг в первоочередном порядке необходимо разработать и осуществить меры по совершенствованию и развитию законодательства, регулирующего страхование, и в частности обеспечить создание правовых основ деятельности обществ взаимного страхования; совершенствование законодательства о налогах и сборах; установление основ обязательного страхования, а также определение их приоритетных видов; совершенствование

осуществления государственного надзора за страховой деятельностью на территории Российской Федерации.

Решение указанных задач позволит продолжить работу по изменению основ законодательного регулирования страхования, которое должно отвечать возрастающему уровню развития страхового дела и потребует в среднесрочной перспективе осуществления кодификации законодательства в области страхования.

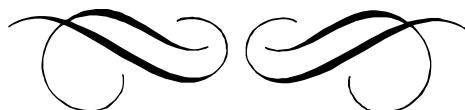
Совершенствование системы законодательства в области страхования должно основываться на глубоком научном анализе законодательства Российской Федерации и практики его применения, международном опыте и стандартах, включать в

себя мероприятия по регулированию страхования как целостной системы страховой защиты граждан, организаций и государства.

Страхование предоставляет гарантии восстановления нарушенных имущественных интересов в случае непредвиденных природных, техногенных и иных явлений, оказывает позитивное влияние на укрепление финансов государства. Оно не только освобождает бюджет от расходов на возмещение убытков при наступлении страховых случаев, но и является одним из наиболее стабильных источников долгосрочных инвестиций. Это определяет стратегическую позицию страхования в странах с развитой рыночной экономикой.

Список литературы

1. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федер. закон [от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ] // СЗ РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4832.
2. Об основах обязательного социального страхования: федер. закон [от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ] // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3686.
3. Финансовое право: учебник / А.Б. Быля [и др.]; отв. ред. Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко. – 2-е изд., перараб. и доп. – М.: Изд-во Проспект, 2007.

КУДИМОВ Александр Викторович,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Российского нового университета,
кандидат юридических наук
E-mail: kudimov@list.ru

КАЛЕНСКИЙ Виктор Петрович,
соискатель кафедры государственного и
административного права Санкт-Петербургского
инженерно-экономического университета
E-mail: kalenskiy60@inbox.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ПЕТРА I

Аннотация. В статье рассматривается институт публичного управления в России при приемниках Петра I, анализируются основные этапы развития системы публичного управления, а также формулируются и обобщаются доминирующие характерные особенности эволюции публичного управления в России при приемниках Петра I.

Ключевые слова: государственная управление; публичное управление в России при приемниках Петра I; развитие системы публичного управления.

KUDIMOV A. V.
KALENSKIY V. P.

THE EVOLUTION OF PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM DURING THE RULE OF PETER I'S SUCCESSORS

Annotation. The institution of public administration under the reign of successors to Peter I the Great is the subject of the article. The main stages in development of the public administration system are analyzed as well as the dominant characteristic features of the public administration evolution in Russia under the rule of Peter I's successors are formulated and generalized.

Key words: state administration; public administration in Russia under the reign of successors to Peter I; development of public administration system.

Эволюцию системы публичного управления страной после смерти Петра I следует рассматривать в непосредственной связи с российским абсолютизмом.

При Екатерине I в последующем, существовал порядок, при котором все государственные учреждения – высшие, центральные и местные, законосовещательные, исполнительные и судебные – имели свой единственный источник в лице Императора. Вся полнота государственной власти была сосредоточена в руках одного

человека, хотя внешне выглядело так, будто некоторые высшие органы власти действовали самостоятельно или принимали решения коллегиально в присутствии Императора. На деле же такие решения имели только совещательный характер.

Положение Екатерины I на троне было шатким. Дворянская аристократия оставалась недовольной. Меншиков, Толстой, Апраксин посоветовали Екатерине учредить специальный орган, который бы возвышался над всеми государственными

учреждениями Империи. 8 февраля 1726 года создан Верховный тайный совет, ставший главным правительственный органом при Императрице.

Верховный тайный совет ведал всеми важными внутренними и внешними делами. В его функции входило назначение высших чиновников, финансовое управление, рассмотрение отчетности Ревизионной коллегии. Совету подчинялись три важнейшие коллегии – Военная, Адмиралтейская и Иностранный. Центральный орган – Тайная канцелярия, созданная при Петре I, в 1726 году ликвидируется, и контрольно-розыскные и надзорные функции переходят к Верховному тайному совету [2, стр. 24-25].

Сенат, провозгласивший Екатерину I самодержавной Императрицей, ею же был подчинен Верховному тайному совету и, потеряв титул правительующего, стал называться Высоким. Из ведения Сената были изъяты все дела, которые интересовали Верховный тайный совет. Отныне он посыпал Сенату указы и требовал отчетов («доношений»). Совету подчинялись Главная «полицеймейстерская» канцелярия и Преображенский приказ [1, стр. 162].

Члены Верховного тайного совета («верховники») заверяли Екатерину I в том, что она одна является главой этого Совета. Фактически Верховный тайный совет, обладая широкими полномочиями и имея высокое положение в государстве, подменял Императрицу. Указ от 4 августа 1726 года разрешал подписывать все законы или Верховному тайному совету, или Императрице. Малограмматная Екатерина I не имела склонности лично управлять государством. Царствовала она недолго. 6 мая 1727 года Екатерина I умерла в возрасте 43 лет [5, стр. 183].

7 мая того же года на престол по завещанию Екатерины I был возведен двенадцатилетний Петр II – внук Петра I. Меншиков по-прежнему распоряжался Верховным тайным советом и руководил действиями царя, опекая его. В сентябре 1727 года Меншиков был арестован по решению Верховного тайного совета. Его выслали в Сибирь после четырехмесячного самовластного правления государством.

Князья Долгорукие стали новыми временщиками. Вся власть по-прежнему была сосредоточена в руках Верховного тайного совета, в состав которого вошли и руководили им А. Г. и В. Д. Долгорукие и Д. М. Голицын. Состав Совета значительно изменился. Из вельмож петровского

времени в нем остался только Остерман. Царь мог не считаться с советом, предписывая ему свою волю [3, стр. 261-262].

После смерти Петра II вопрос о преемнике престола решал Верховный тайный совет, который отверг все кандидатуры и остановил свой выбор на вдовствующей герцогине Курляндской Анне Иоанновне – дочери брата Петра I.

Д. М. Голицын с В. Л. Долгоруким тайно составили и послали в Митаву «кондиции» – условия вступления Анны Иоанновны на престол, которые она подписала. «Кондиции» ограничивали самодержавную власть царицы и ставили ее под контроль Верховного тайного совета [4, стр. 198-201]. Без согласия Верховного тайного совета Императрица не должна была решать вопросы войны и мира, проводить назначения выше полковника, расходовать денежные средства, давать вотчины, назначать себе преемника, выходить замуж. Анне Иоанновне запрещалось также привозить в Россию своего фаворита Э. И. Бирона [4, стр. 202].

15 февраля 1730 года Анна прибыла в Москву, где собрались сановники, духовенство, значительная часть шляхетства (со времен Петра I так называлась масса дворян вне служебных должностей), выступившие против ограничения власти Императрицы. Опираясь на них, Анна разорвала «кондиции» и вступила на престол как самодержавная Императрица [3, стр. 261-262].

4 марта 1730 года упразднен Верховный тайный совет. Произошли изменения в высших органах власти. Сенат продолжал действовать, но права его полностью не были восстановлены.

Осенью 1731 года был создан Кабинет министров, который взял на себя всю работу по управлению государством. Вначале Кабинет министров имел только управленческую функцию, но с ноября 1735 года этот властный орган получил и законодательные права. Три подписи кабинет-министров заменяли подпись Императрицы.

Недовольная таким решением часть элиты, опираясь на гвардию, возвела на престол 25 ноября 1741 года Елизавету Петровну.

Указом от 12 декабря 1741 года Елизавета восстановила «петровское детище» – Сенат как высший государственный орган – и ликвидировала стоявший над ним Кабинет министров, имевший особые полномочия. Восстанавливаясь петровская личная императорская канцелярия – Кабинет, который должен был принимать

документы на имя монарха, оформлять указы за его личной подписью, объявлять высочайшие повеления и руководить финансовой стороной дворцового хозяйства.

Часть дел бывшего Кабинета министров стал решать Сенат, а другая часть поступала в личное ведение Императрицы. Дела шли в ее личную канцелярию – Кабинет ее величества. На рассмотрение Елизаветы поступали доклады различных ведомств и Сената, рапорты генерал-прокурора. Указы издавались только за личной подписью Императрицы.

Создание такого высшего органа правления страной, как личная канцелярия, свидетельствует о желании Елизаветы взять правление в свои руки и укрепить значение самодержавной власти.

Проводимая реформа высших государственных органов в 40-60-е годы XVIII века повысила роль монарха в системе абсолютизма. Государыня решала не только важные государственные вопросы, но и мелкие. Для принятия государственных решений Елизавета нуждалась в консультациях высших чиновников, составлявших элиту в управлении России. Такие совещания при Елизавете официально назывались «конференциями», а их участники – «конференц-министрами». Собирались они нерегулярно.

Конференции по обсуждаемым вопросам проводились, собирая письменные мнения министров, составляя протоколы заседаний. Мнения рассматривались и утверждались Императрицей. Во время Семилетней войны в 1756 году была учреждена Конференция при высочайшем дворе (как чрезвычайный высший орган), первоначально занимавшаяся обсуждением международной политики и ведением войны. Позже Конференция сосредоточила в своих руках и руководство внутренним управлением государства.

Руководившей делами Конференции И. А. Черкасов принимал поступавшие на имя Елизаветы доклады и донесения Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий, Коллегии иностранных дел и других учреждений, многочисленные члены которых были о милосердии.

Елизавета Петровна умерла 25 декабря 1761 года. Ее преемником стал Карл-Петр-Ульрих (Петр III) внук Петра I (сын его дочери Анны) и внучатый племянник Карла XII, прибывший в Россию еще в 1742 году.

При преемниках Петра I государство все более

оформлялось как полицейское. Для устрашения дворянской оппозиции и ее ликвидации при Анне Иоанновне действовал политический сыск. Людей приводили в застенок генерала Ушакова не только по политическим мотивам, но и из-за слухов и сплетен о жизни царицы и ее окружения. Наказанию подвергались государственные чиновники всех рангов и нередко их семьи. На допросах применялись пытки. Особенно свирепые приговоры выносило Генеральное собрание, являвшееся высшим судом, которое рассматривало политическую оппозицию как притеснителей Императрицы.

При Елизавете существовала Тайная канцелярия, которая в 40-60-е годы вела расследование слухов, порочащих царицу. В ссылку была отправлена Анна Леопольдовна с семьей. Суд приговорил к ссылке главных политических противников Миниха – Левенвольде и Остермана.

В годы царствования Анны Иоанновны было заведено две тысячи политических дел, а во время Елизаветы Петровны – пять тысяч [6, стр. 23]. Существовавшая с 30-х по 60-е годы Канцелярия тайных розыскных дел была перегружена следственной работой. Расправа над всеми недовольными производилась независимо от социального положения и значения высокого лица в государстве.

С воцарением Анны Ивановны и появлением ее фаворита Бирона полицейская регламентация усилилась во всей системе публичного управления. Началось жестокое преследование всякого инакомыслия. От чиновников всех органов власти требовалось строгое подчинение без рассуждений.

При Елизавете, хотя и продолжала действовать Тайная канцелярия, но полицейский режим заметно ослаб в исполнительно-распорядительной системе власти. Она отменила смертную казнь, что в определенной степени расковывало действия чиновниччьего аппарата. Однако ссылки и заключение в крепость продолжались.

Дворцовые перевороты и полицейский характер государственной системы оказались на изменениях структуры и функций как высших, так и центральных властных учреждений.

На вершине пирамиды органов власти и управления Российской империи стоял Император (Императрица). За ним следовали высшие государственные учреждения – Верховный тайный совет, Кабинет министров, Конференция при высочайшем дворе, действовавшие в разное

время. Что касается Сената во главе с генерал-прокурором, то его положение несколько раз менялось. Этот орган власти должен был подчиняться только Императору, но в определенные периоды он зависел и от высших государственных учреждений.

Значение Сената на какое-то время снижалось и снова повышалось, но ненадолго. На деле Сенат занимал положение центрального органа с обычными исполнительными функциями. После Петра I его преемники отступили от устройства центрального управления. Вместо Сената они поставили Верховный тайный совет, и этим свели его на уровень коллегии. Должность генерал-прокурора, «ока государева», ликвидировали.

В 30-е годы права Сената были восстановлены. В его структуре появилось 5 департаментов с разными административными полномочиями. Но вскоре над Сенатом был поставлен Кабинет министров, и Сенат снова утратил свое былое значение. Он перестал быть органом надзора за государственным аппаратом. Из его ведения ушло и руководство деятельностью многих коллегий. Он превратился в орган исполнения распоряжений высших государственных учреждений и, как апелляционная инстанция, рассматривал судебные дела, решения губернаторов, воевод.

Была восстановлена должность генерал-прокурора, на которую был назначен (в качестве исполняющего обязанности) П. И. Ягужинский, в 1740 году замененный князем Н. Ю. Трубецким. Сенат в этот период был исполнительным органом, находившимся под контролем Тайного совета и Кабинета министров.

С 40-х годов Сенат был восстановлен в прежних правах, сохранял свое первенствующее положение в государстве до учреждения Конференции. Далее он уже не ведал внешнеполитическими делами и некоторыми общими вопросами внутренней политики. Но за Сенатом сохранилось руководство государственным аппаратом управления.

К середине XVIII века аппарат Сената усложнился. В его состав вошло несколько новых учреждений по финансовой, кредитной, торговой системам, управлению Московским университетом. Особенно значительной была созданная в 1755 году Главная межевая канцелярия для руководства межеванием.

Петровскому Сенату не принадлежала законодательная функция, он был только административно-судебным органом; елизаве-

тинский Сенат мог издавать указы, которые часто по существу своему являлись законодательными актами.

Большую группу центральных государственных учреждений второй четверти XVIII века составляли коллегии, управлявшие отдельными (специальными) хозяйственными и общественными вопросами.

В структуру коллегий входили департаменты, экспедиции, постепенно добавлялись канцелярии и конторы. Штаты разрастались, укреплялся принцип единонаучания, прибавлялись советники и асессоры. Хотя в 1727 году число чиновников и было сокращено вдвое, в дальнейшем оно опять увеличилось.

В это время колебалось и общее количество коллегий. Оно также то сокращалось, то возрастало. Это свидетельствовало о неустойчивости внутренней политики и нестабильности государственного управления. Более устойчивыми были три коллегии: Иностранная, Военная, Адмиралтейская.

Существовали еще девять коллегий: Главный магистрат, Вотчинная, Камер-коллегия, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Штатс-коллегия, Ревизион-коллегия, Юстиц-коллегия, Коммерц-коллегия и Синод – духовная коллегия.

Возрастающие задачи государства, развитие промышленности, торговли, обострение социальных противоречий вели к организационным перестройкам центральных государственных органов и изменению их полномочий.

Чтобы удешевить содержание государственного аппарата, некоторые коллегии объединялись. Например, Коммерц-коллегия, ведавшая приходом, а Штатс-коллегия – расходом денежных средств – соединились в одно учреждение. В 1727 году Мануфактур-коллегия была соединена с Коммерц-коллегией. В 1731 году была ликвидирована Берг-коллегия, что нанесло ущерб развитию горных заводов.

Часть коллегий восстанавливалась или вновь создавалась в 40–60-е годы. Изменениям подвергались многие ведомства и канцелярии. Все более проявлялась нестабильность элементов государственного механизма на уровне центрального управления.

Относительная стабильность сохранялась в органах, ведавших безопасностью режима, а также в учреждениях, обеспечивавших сбор налогов и податей в государственный бюджет. «Сыскным»

и «судным» учреждениям уделялось большое внимание со стороны правительства.

Постоянно действующими оставались полицейские учреждения. В 1729 году была создана Канцелярия конфискации, обеспечивавшая конфискационные акции по приговорам суда. Через год образуется «Должный» приказ, который обеспечивал полицейские действия с должниками, банкротами.

Оформившаяся к середине XVIII века коллегиальная система управления была пестрой. Ее центральные государственные учреждения (коллегии, приказы, канцелярии) различались структурой и полномочиями и находились в состоянии кризиса.

В целом внутренняя политика Елизаветы Петровны отличалась стабильностью и нацеленностью на рост авторитета и моши государственной власти. После смерти Елизаветы Петровны на престол вступил Петр III.

Многие мероприятия внутренней политики Петра III отвечали назревшим потребностям русского общества. За шесть месяцев царствования он успел издать значительное число законодательных актов, которые внесли конструктивный вклад в ускорение развития страны и показали серьезность его намерений и волю к реформам (отмена обязательной государственная служба дворян; замена внесудебного произвола нормальным судебным разбирательством по делам политического обвинения; создание Императорского совета как коллегиального носителя самодержавной власти; освобождение монастырских крестьян от прежних крепостей, наделение их землей и перевод в ведение государства с выплатой ежегодной подушной подати; отмена законов,

дискриминировавших неправославных крестьян; поощрение торгово-промышленной деятельности и купечества; расширение применения вольнонаемного труда на мануфактурах).

Пётр вывел Россию из войны, которая истощала людские и экономические ресурсы страны и в которой Россия выполняла свой союзнический долг перед Австрией. Сделано это было за счет сдачи завоеваний Елизаветинских полков в Пруссии. Серьезной ошибкой являлось направление русских войск проливать кровь за германские интересы против своего недавнего союзника – Дании.

Император осуществил шаги по поднятию боеспособности армии и флота. При этом стремился перестроить ее по прусскому образцу. Введение прусского военного устава и униформы вызвало недовольство в армейских кругах. Император пытался укрепить воинскую дисциплину в гвардейских частях, однако его отношение к гвардейцам было крайне негативным. Петр не скрывал своего намерения со временем упразднить гвардейские полки, а для начала намеревался отправить их воевать с Данией. Все это не могло не породить оппозиции Петру III, и прежде всего среди гвардейцев, которые, несмотря на его в целом продворянский курс, 28 июня 1762 года совершили переворот, провозгласив Императрицей жену Петра III – Екатерину Алексеевну.

Череда дворцовых переворотов 1725-1762 годов ослабила российскую государственность, все уровни управления. Стране нужна была крепкая власть, которая обеспечила бы экономическую и политическую стабилизацию, способствовала прогрессу во внутренней и внешней политике. Эта задача была решена в последующее правление Екатерины II.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Россия без Петра. 1725 – 1740 г. – СПб., 1994.
2. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. – М., 1986.
3. Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVIII – XX века. – М.: ИНФРА-М, 1999.
4. В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. – М.: Политиздат, 1984.
5. Кацауба И. В. Образ России как великой восточной империи в записках английских путешественников XVI-XIX веков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. – Челябинск, 1995.
6. Наумов З. Н. Елизавета Петровна // Вопросы истории. – 1993. – № 5.

ЧИБИНЕВ Вячеслав Михайлович,

декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета

E-mail: ssssss.050173@mail.ru

ХАЧИНСКИЙ Кирилл Борисович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета

E-mail: kb_152006@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функционирования современного государства в условиях глобализации, а также исследованию проблем, с которыми приходится сталкиваться государству в аспекте глобализации. Автор, рассматривая основные направления глобализации на современном этапе развития государства, выделяет и подробно анализирует доминирующие признаки глобализации, раскрывающие ее позитивные и негативные моменты. В статье также формулируется ряд обобщающих выводов по указанной проблеме.

Ключевые слова: глобализация; развитие государства; государственный суверенитет.

CHIBINEV V. M.
KHACHINSKIY K. B.

DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF THE MODERN STATE IN GLOBALIZATION CONDITIONS

The summary. The article deals with functioning of the modern state under the conditions of globalization as well as research of the issues the state has to face in the aspect of globalization. The authors considering basic trends in global-ization at the present stage of the state development distinguish and analyze in detail the dominant features of globalization which reveal its advantages and disadvantages. Along with that a number of generalizing conclusions on this issue are formulated in the article.

Key words: globalization, development of the state, state sovereignty.

О глобализации в ее современном прочтении во весь голос заговорили во второй половине XX столетия. В значительной мере это было предопределено переменами, произошедшими в мире в это время. Уже с окончанием Второй мировой войны обозначились тенденции к

усилению взаимосвязи и взаимозависимости континентов, стран и народов. Но «холодная война», противостояние военно-политических блоков, в первую очередь НАТО и Организация Варшавского договора, сдерживали и ограничивали развитие наметившихся тенденций.

И только в конце XX столетия глобализация стала обретать свой настоящий вид. Пожалуй, документы Римского клуба – при всех своих слабостях и недоработках – ближе других подходили к пониманию сути развертывавшихся процессов.

Надо признать, что юристы и другие обществоведы отнюдь не были в авангарде изучения проблем глобализации. Первыми отреагировали представители естествознания: физики, химики, биологи, математики. Они стали проявлять свою обеспокоенность в связи с тем, что человечество может вскоре столкнуться не только с полезными плодами развития цивилизации, особенно науки, ее разделов, связанных с высокими технологиями, но и с такими бедами, как нехваткой еды, воды, тепла, ценных ископаемых и т. д. Решить новые проблемы можно только сообща, совместными усилиями, учитывая интересы всех сильных и слабых стран Юга и Севера более и менее развитых регионов.

Ученые-обществоведы активно включались в разработку процессов глобализации. Это относится к самым различным отраслям социального знания, к экономическим наукам, социологии, политическим наукам, истории, философии, психологии и др. В современной России проблемы глобализации стали предметом исследования всех отделений общественных наук, практически всех обществоведческих институтов. Появились интересные разработки, касающиеся раскрытия понятия глобализации, ее проявления в различных сферах жизни человека и всего общества, взаимовлияния этих сфер.

Свою нишу в изучении проблем глобализации занимает юридическая наука. Ее воздействие на сам ход глобализации вряд ли можно не замечать. Глобализацию придумали не юристы или их коллеги из других сфер научного знания. Глобализация представляет собой объективный процесс, который отличается стихийным характером. Глобализацию нельзя запретить или ввести законом. Но сдержать, исказить содержание, поставить искусственные барьеры на пути развития – это не исключено. Впрочем, главное не в возможности торможения. У правового регулирования, как известно, есть большой позитивный потенциал, право может стать действенным инструментом глобализации. Что же касается барьеров, то они тоже необходимы, но для борьбы не против глобализации, а за

глобализацию.

Необходимо добиться того, чтобы в праве были отражены и закреплены новые условия и потребности, выявляющиеся в ходе глобализации. Она так или иначе отодвигает в сторону старое и ставит на его место новое в развитии человеческой цивилизации, усиливает обмен ценностями в масштабе всего земного шара, способствует появлению новых качеств и черт в жизни людей. Глобализацию возможно в некоторой мере сравнить с производством, результатом деятельности которого являются определенные продукты. И чтобы выпускаемая продукция глобализации имела высокие качественные характеристики, право призвано добиваться в рамках объективного процесса максимального вклада от участников этого процесса. Исходная стихийность отнюдь не противоречит потребности в соответствующих организационных формах и правовом регулировании, способствующихющей целенаправленности, устремленности и эффективности деятельности людей.

Трудно не обратить внимание на то, что глобализация – это совсем не сплошная радость. Она отнюдь не очищена от негатива, теневых, черных сторон развития человечества. Мы все наблюдаем, как в разных частях мира возникает и развивается антиглобалистское движение. Очень часто встречи лидеров разных стран сопровождаются шумными выступлениями антиглобалистов. Бессспорно, в таких выступлениях есть много наносного, в том числе политического хулиганства, активности ультрарадикальных сил. Но это и сигнал мировому сообществу: не все ладно в процессах глобализации, далеко не всем она несет процветание, налицо явные злоупотребления открывающимися возможностями. На глазах увеличивается разрыв между богатыми и бедными странами, а значит, глобализация используется в интересах первых – пресловутого «золотого миллиарда». Обостряется экономический кризис, усиливается кризис энергетический, появилась опасность техногенных катастроф [5, стр. 12].

Глобализация не означала коренного перелома к лучшему в международных отношениях. Мир, который совсем недавно был bipolarным, отнюдь не приблизился к ожидавшейся многополярности, а все больше становится однополярным. Отнюдь не устранена ядерная опасность. В огромное бедствие для человечества превратился

международный терроризм. Иными словами, деструктивные компоненты развития человечества налицо, а значит, угрозы самому его существованию не исчезают [3, стр. 75].

В новых условиях роль и назначение права, бесспорно, возрастают, но и требования к его осуществлению продвигаются вперед в том, что касается, как самого понимания права, так и механизмов его воздействия на регулируемые отношения. Это наглядно проявляется в наших условиях, чему в первой степени содействовали усилия юристов-теоретиков, особенно в последние 15-20 лет. Существенно обновляется инструментарий права, что позволяет ему более эффективно выполнять свои функции.

Глобализация – это, в сущности, эволюционный процесс, *новый этап в истории человечества*. В условиях эволюции, в отличие от революционных поворотов и переворотов, право опирается на традиции и достоинства преемственности, отработанные временем механизмы регулирования, постоянное раскрытие потенциала регулирования. Накопленный опыт не отбрасывается в прошлое, а служит основой совершенствования имеющихся механизмов права, что, естественно, не только не исключает, но и предполагает непременную модернизацию правового хозяйства в соответствии с вызовами нового времени.

Таким образом, в глобализации, несомненно, присутствует ряд негативных моментов. В их числе:

- массовое заимствование иноязычной, прежде всего англоязычной юридической терминологии (особенно в новых для России отраслях – банковском, биржевом, акционерном законодательстве и др.);
- некритическое заимствование правовых институтов, рожденных в иных правовых

системах (траст);

- поспешное и недостаточно продуманное реформирование целых отраслей и сфер законодательства на западный манер (реформа законодательства о техническом регулировании).

Необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев негативные последствия глобализации неизбежны. Мы – полноправные авторы собственных проблем и кризисов. Проблемы и трудности, возникающие в ходе глобализации, в подавляющем большинстве случаев – результат поспешного, некритического и бессистемного перенесения западного опыта на российскую почву. Особенность российских реформ – невозможность отыскать автора той или иной реформы, тем более – администратора, виноватого в том, что она провалилась, не принесла ожидаемых результатов.

Вместе с тем, у глобализации есть несомненные позитивные моменты. Это:

- установление «единых правил игры» в общем экономическом, политическом и информационном пространстве (без этого экономика и рынок работать не будут);
- ориентация на западные стандарты свободы, демократии и прав человека (которые значительно выше сегодняшних экономических возможностей и уровня культуры России, но крайне полезны с точки зрения перспективы);
- освоение эффективных западных технологий юридической деятельности (поиск информации, работа с клиентом, подготовка к слушанию в суде, организация деятельности коллектива юристов и др.).

Сопоставление «минусов» и «плюсов» позволяет выскажаться в пользу энергичного развития и углубления процессов глобализации, в том числе – в правовой сфере.

Список литературы

1. Дамаский О. В. Правовые проблемы национальной безопасности в условиях глобализации // Современное право. – 2001. – № 9.
2. Дрейер О. К., Лось В. В., Лось В. А. Глобальные проблемы и «третий мир». – М.: Наука, 1991.
3. Морозов Г. И. Международное право и международные отношения, (проблемы взаимосвязи). – М.: Международные отношения, 1997.
4. Поленина С. В. Право и глобализация / Правовая система России в условиях глобализации: Сборник материалов «круглого стола» / под. ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. – М.: «Ось – 89», 2005.
5. Попов В. М., Маршавин Р. А., Ляпунов С. И Глобальный бизнес и информационные технологии. Современная практика и рекомендации / под ред. В.М. Попова. – М., 2001.
6. Сорос Дж. О глобализации / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.

ГОЛОВИНОВ Владимир Алексеевич,
аспирант Юридического института (Санкт-Петербург)
E-mail: mvd_djaty@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается сущность и содержание такой юридической категории, как «государственное принуждение». Автор путем анализа основных признаков государственного принуждения и в аспекте диалектической взаимосвязи принуждения со стороны государства с правовыми нормами формулирует и обосновывает определение института принуждения в праве.

Ключевые слова: государственное принуждение; признаки государственного принуждения; государственно-правовое принуждение.

GOLOVINOV V. A.

CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF STATE ENFORCEMENT

The summary. The article discusses the essence and contents of such legal category as “state enforcement”. The author analyzing the main features of state enforcement and in the aspect of dialectical interrelation of enforcement by the state to the rules of law formulates and justifies the definition of enforcement institution in law.

Key words: state enforcement; features of state enforcement; state-and-law enforcement.

Взгляды многих авторов на суть государственного принуждения в юридической науке не отличаются единством. Государственное принуждение – сложное правовое явление, характеризующееся комплексом присущих ему признаков (основных черт) содержания. Представляется, что определение понятия государственного принуждения возможно лишь на основе обобщения этих признаков. Вместе с тем проблема признаков государственного принуждения также трактуется по-разному в юридической литературе.

В изучении сущности понятия «государственное принуждение» большая заслуга принадлежит С. В. Серегиной, которая не только наиболее полно сформулировала основные черты государственного принуждения как метода правового регулирования, но и предложила следующее определение исследуемого понятия: «Государственное принуждение – это физическое, психическое или

иное воздействие уполномоченных на то органов государства, должностных лиц, представителей общественности на сознание и поведение субъектов путем применения к ним в установленном процессуальном порядке принудительных мер, указанных в санкциях (диспозициях) правовых норм и связанных с наступлением для них отрицательных последствий личного, имущественного или организационного порядка в целях борьбы с правонарушениями, охраны общественной безопасности и правопорядка» [4, стр. 47].

Деятельности по исполнению государственного принуждения свойственны следующие основные черты, обобщение которых позволило сформулировать определение понятия данного правового явления.

Во-первых, исполнение государственного принуждения всегда выступает разновидностью правоприменительной деятельности специально

уполномоченных на то органов государства и должностных лиц. Вне и помимо правоприменительной деятельности государственное принуждение, как реальное правовое явление, существовать не может. Это объясняется тем, что государственное принуждение в динамике своего осуществления всегда представляет собою результат примененной санкции нормы права (и диспозиции с принудительным содержанием) в целях обеспечения и решения правоохранительных задач. Вне правоприменительной деятельности государственное принуждение может выражаться лишь в статике своего существования, как правовой институт, всесторонне закрепляющий и регламентирующий основания, конкретные меры принуждения, процедуру их применения и т. д.

Во-вторых, исполнение государственного принуждения представляет собой внешнее психическое или физическое воздействие на сознание и поведение субъектов. Принуждаемый становится объектом воздействия со стороны внешних по отношению к нему сил. Принуждение, как отмечалось, может приобретать вид психического, физического или иного воздействия, однако, несмотря на отличие этих форм, все они – результат внешнего принудительного воздействия, связанного с ограничением свободы воли субъекта и иными правоограничениями.

В-третьих, исполнение государственного принуждения есть воздействие в виде применения соответствующих мер. Так, С. С. Алексеев отмечал, что «реально принуждение в праве выражается в принудительных мерах, применяемых компетентными органами» [1, стр. 107]. Это положение представляется принципиальным, так как важно различать понятия «мера государственного принуждения» и «принудительная сущность» нормы права и права в целом. В противном случае под государственным принуждением можно будет понимать любой властный акт государства, даже норму права в самом широком смысле. Ведь действительно, внешне всякая правовая норма является формой принуждения уже потому, что властно предписывает определенный вариант поведения. Это свойство нормы права уже было отмечено в правовой литературе. Справедливым следует признать мнение И. Д. Ягофаровой, что правовая норма – атрибут власти, поэтому она всегда не только предполагает возможность

государственного принуждения, но и сама является его формой [4]. Аналогичные взгляды по этому поводу высказывали и другие авторы.

В-четвертых, в действительности исполнение государственного принуждения всегда заключается в реальном применении санкций норм права к конкретным субъектам правоотношений, а в некоторых случаях, как отмечалось, и в применении диспозиций правовых норм, содержащих принудительные обязанности (алиментные обязанности и т. д.). В этих случаях диспозиция нормы права может выполнять функцию санкции и приобретать форму конкретной меры принуждения.

В-пятых, исполнение государственного принуждения сопровождается причинением субъекту правоограничений, которые, как правило, имеют отрицательный для него характер и нередко связаны с возложением на него дополнительных правоограничительных обязанностей. В объем государственного принуждения включаются различные по своей природе меры и виды принуждения, отличающиеся друг от друга основаниями, целями, процессуальными особенностями применения.

Отрицательные правоограничения в ходе исполнения государственного принуждения могут быть различного характера, но их наличие необходимо, так как иначе принуждение потеряло бы всякий смысл. В зависимости от свойства применяемых мер отрицательные правоограничения могут быть личного, имущественного или организационного характера. Так, отрицательные последствия в виде правоограничений личного характера могут проявляться непосредственно при применении к лицу такой меры наказания, как лишение свободы.

Различные виды правоограничений довольно тесно связаны друг с другом. Наличие организационного правоограничения может повлечь ограничения имущественного, и личного характера. Данный признак государственного принуждения является наиболее важным, раскрывающим его содержание, на что неоднократно указывалось в правовой литературе [3]. Так, например, по мнению А. В. Малько, одним из обязательных элементов содержания понятия государственного принуждения может быть объективно неблагоприятное физическое или психическое воздействие на личность, деятельность, имущество субъекта и т. д. [2]

В-шестых, фактическим основанием применения мер принуждения служит совершение правонарушений, а также возникновение иных, нежелательных для общества и государства правовых аномалий. Нельзя согласиться с авторами, считающими, что меры государственного принуждения применяются только в связи с правонарушениями. В законе можно встретить множество указаний на возможность государственно-принудительного воздействия и при отсутствии правонарушений. Так, например, ст. 242 ГК РФ предусматривает возможность изъятия (реквизиции) имущества у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, в общественных интересах с выплатой ему стоимости данного имущества. Основанием такой принудительной меры являются стихийные бедствия, аварии, эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, носящие чрезвычайный характер.

Следующая черта исполнения государственного принуждения касается характеристики целей применения принудительных мер. Философская категория целей означает предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. В связи с этим под целью исполнения правового принуждения понимается тот конечный результат, который государство стремится достигнуть при помощи применения его мер. Проблема целей исполнения государственного принуждения, как и иные проблемы, пока недостаточно разработана в литературе.

В связи с этим следует говорить о

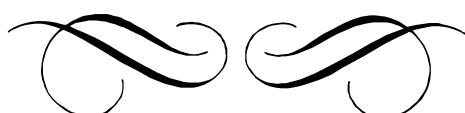
государственно-правовом принуждении, поскольку на практике государственные и правовые явления настолько взаимосвязаны, что их исследование невозможно одно без другого. На правовой характер государственного принуждения указывает также признание и введение в юридический оборот понятия «исполнение государственного принуждения как правовая форма деятельности в государстве».

Данное понятие вносит правовое начало в суть обозначенной категории «государственное принуждение» и позволяет рассматривать ее с философских позиций «форма – содержание». Это предполагает признание того обстоятельства, что государственное принуждение по своему содержанию является государственным явлением в связи с его непосредственной взаимосвязью с государственной властью, а также находится в правовой оболочке, представляющей его правовую форму, что находит свое проявление в момент правоприменительной деятельности.

Таким образом, под институтом принуждения в праве понимается система материально-правовых и процедурно-процессуальных норм, регулирующих общественные отношения, связанные с применением уполномоченными на то органами и лицами принудительных мер физического, психического, организационного и иного характера к обязанным субъектам в целях наказания виновных за правонарушения, пресечения и предупреждения противоправных действий, восстановления нарушенных отношений, а также в иных, предусмотренных законом целях.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971.
2. Малько А. В. Правовые ограничения: От отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5.
3. Савельев А. А. О пределах ограничений и обременений права собственности // Юрист. 2007. № 1.
4. Ягофарова И. Д. Право как мера ограничения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук / И. Д. Ягофарова. – Екатеринбург, 2004.

ПОЛЕЖАЕВ Вячеслав Михайлович,
директор института ФСБ России, г. Новосибирск
E-mail: polezhaev_vm@mail.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности регулирования правоотношений в Российской Федерации в аспекте функционирования и развития такой отрасли права, как конституционное. Автор, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретических положениях и взглядах понимания, толкования и применения норм конституционного права, акцентирует внимание на актуальных проблемах, связанных с созданием единого конституционного пространства России. Кроме того, автором сформулированы и обоснованы предложения, направленные на совершенствование института взаимодействия федерации с ее субъектами.

Ключевые слова: конституционное право; федерализм; политическая система; суверенитет.

POLEZHAYEV V. M.

ON THE CREATION OF COMMON CONSTITUTIONAL SPACE OF RUSSIA

The summary. The article deals with characteristic features of legal relationship regulation in the Russian Federation in the aspect of functioning and development of such branch of law as the constitutional one. By using complex analysis and based on the fundamental theoretical propositions and concepts of understanding, interpretations and application of norms in constitutional law the author focuses on the topical issues associated with the formation of common constitutional space of Russia. In addition the author formulates and substantiates proposals aimed at improving the institution of interaction between the federation and its constituent entities.

Key words: constitutional law; federalism; political system; sovereignty.

Национальная и региональная политика новой России уходит своими корнями в эпоху «большого провала», агонии коммунистического советского режима. Помимо социально-экономической несостоятельности советской модели, краха однопартийной системы важнейшей тенденцией конца 80-х – начала 90-х гг. стало нарастание противоречий между декларируемым федеративным по форме и унитарным по содержанию национально-государственным устройством СССР. Именно этим во многом и объясняется трагическое противостояние народов и кровоточащие межнациональные конфликты в различных

регионах бывшего СССР. Отход от тоталитарно-унитарной системы был признан необходимым практически всеми политическими силами, включая тогдашнее руководство СССР и РСФСР, КПСС, лидеров нарождающихся партий и движений. Однако высказываемый спектр мнений и суждений о национально-государственном строительстве был чрезвычайно широк, что может, с нашей точки зрения, свидетельствовать лишь о том, что четкого представления о механизмах трансформации псевдофедералистского государства в государство подлинно федеративное, в котором действительно учитыва-

ются интересы субъектов, его составляющих, не было. В 1989 – 1991 гг. общий порыв был таков: «Карфаген тоталитарного псевдофедерализма должен быть разрушен». В декабре 1991 г. «разрушение Карфагена» стало реальностью, хотя de facto оно свершилось задолго до Беловежской пущи [2, стр. 44].

В России, начавшей строить свою национальную и региональную политику самостоятельно, аксиомой, принимаемой политической элитой без доказательства, стало утверждение о том, что возрождение страны как демократического правового государства, основные социально-экономические и политические проблемы спустились на уровень регионов, и от того, каким образом они будут решаться, зависит целостность российского национально-экономического, политического и социокультурного пространства.

Вызовом единству Российской Федерации был и продолжает оставаться партикуляристский вариант государственного строительства. С нашей точки зрения, этот «вызов» окончательно сформировался непосредственно после принятия в декабре 1993 г. новой Конституции РФ, предоставившей юридическое равноправие всем без исключения российским субъектам.

В этой связи особую актуальность приобретает способность Российского государства выработать систему адекватного государственного противодействия этнократическому и партикуляристскому вызовам. Обеспечение единства государства возможно лишь при наличии комплексной программы государственного строительства в России. Бросившись из пламени гиперцентрализма и унитаризма в море тотальной суверенизации, российская политическая элита к 1993 г. главную угрозу распаду страны увидела в асимметрии федерации, а также в сохранении советского наследия в виде национально-государственного устройства. Конституция 1993 г., уравнившая в правах республики, края и области, продемонстрировала, что национально-государственное устройство не было единственной причиной превращения России в «общество регионов». Подлинная причина интенсивной регионализации и дезинтеграции процессов России заключалась, главным образом, в том, что помимо их исторической детерминированности, «за годы существования России как нового государства, ее власть так и не смогла разработать сколько-нибудь связную систему национальных приоритетов и

ориентации на историческую перспективу».

Сегодня, к сожалению, не определен ориентир национально-государственного идеала. Очевидно, что для выработки достойного адекватного ответа этнократическому и партикуляристскому вызовам, российскому федеральному центру необходимо разработать долгосрочную стратегию национально-государственной интеграции.

Проанализировав причины и конкретные проявления регионализации государственного строительства в РФ, необходимо обозначить возможные механизмы преодоления «реакции распада». С нашей точки зрения, подобное преодоление должно строиться на нескольких «китах». Первое, федеральным властям давно пора отрешиться от мысли о том, что они в состоянии удержать в поле своего зрения все аспекты регионального экономического и национально-политического развития. Но следует при этом помнить и второе: предоставление максимально широких прав регионам (и этническим, и «русским») не означает «ухода» федерального центра из «глубинки», предоставления регионам столько суверенитета, сколько они захотят. Третье: необходимо осознать, что получение регионами значительной доли самостоятельности в вопросах государственного строительства и демократизация политической жизни в них, вовсе не одно и то же.

Важной проблемой является поиск оптимальной формы закона, способной наиболее четко обозначить необходимые границы нормотворческих полномочий федеральных и региональных законодателей в сферах совместного ведения. Именно учет специфики регионов, их нужд и потребностей, но при этом исключительно в контексте общероссийских интересов и государственных задач должен стать залогом сохранения единства РФ, формирования адекватного ответа на этнократический, и партикуляристский вызовы. При проведении продуманной и взвешенной государственной национальной и региональной политики влияние такого рода вызовов, порожденных комплексным социально-экономическим и политико-правовым кризисом, может быть минимизировано, что даст возможность развивать подлинно федеративные отношения, подготовить устойчивость политической системы Российского государства.

Сегодня создание единого конституционного пространства в рамках Российской Федерации требует более совершенной конституционно-

правовой системы, своевременного обновления как федерального законодательства, так и законодательства субъектов Федерации, укрепления режима законности, безусловного признания верховенства Конституции и других федеральных нормативных актов, изданных в пределах федеральной компетенции, субъектами Федерации, должностными лицами, общественными объединениями, органами местного самоуправления, гражданами. Содержательная нагрузка Основного закона государства и общества Российской Федерации общеизвестна – это провозглашение прав человека и гражданина; определение характера взаимоотношений по линии «личность – гражданское общество – государство»; закрепление основ конституционного строя, формы государственного устройства, конституционно-правового статуса Федерации и ее субъектов, системы и структуры федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной властей, основ построения системы государственных органов субъектов Федерации, местного самоуправления. Федеральная Конституция определяет основные параметры гражданского общества, формы собственности, роль политических институтов и т. д.

В Российской Федерации, на данный момент, коренным образом обновлена правовая база политической системы, включая конституционные основы общественного и государственного строя. С введением института президентства и реформированием законодательных, исполнительных и судебных органов было положено начало реализации принципа разделения властей. Конституция Российской Федерации и Федеративный договор устанавливают верховенство федеральных законов на всей территории России по вопросам ее исключительного ведения. Иные федеральные акты исполняются должностными лицами, общественными объединениями, гражданами, органами власти субъектов Федерации в порядке, установленном Конституцией и законами Российской Федерации. Установлено, что по предметам исключительного ведения Федерации ее нормативные акты обладают безусловным приоритетом над правовыми актами республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов федерального значения, национальных автономных образований. Таков же статус федеральных нормативных актов по предметам

совместного ведения с субъектами Федерации, изданных в пределах федеральных полномочий.

Акты субъектов Федерации, затрагивающие исключительные полномочия Российской Федерации, а также акты, связанные с регулированием сфер совместного ведения Федерации и ее субъектов, но противоречащие Основному закону Российской Федерации, Федеративному договору, основам законодательства и другим федеральным актам, не должны применяться. В случае коллизий федерального закона и нормативного акта субъекта Федерации по вопросам их совместного ведения или издания субъектами Федерации правовых актов по вопросам, отнесенными к исключительному ведению федеральных органов, действует федеральный закон. Конфликты, возникающие в данной ситуации, рассматриваются при участии Федерации и ее субъекта Президентом Российской Федерации и выющим органом конституционного правосудия.

В то же время федеральные органы государственной власти не могут издавать нормативные акты по вопросам исключительного ведения субъектов Федерации, так как это является прерогативой органов государственной власти самих субъектов Федерации.

В пределах сферы исключительного ведения Федерации могут издаваться законодательные акты в любой форме. Проект акта может быть направлен по решению федеральных органов государственной власти субъектам Федерации для ознакомления. Непросто решается проблема взаимодействия органов государственной власти Федерации и ее субъектов в сфере совместного ведения. В этой сфере федерация может издавать Основы законодательства, федеральные кодексы, модельные законы, иные нормативные акты. Базовым актом для развития правотворчества как Федерации, так и ее субъектов в сфере совместного ведения станут федеральные Основы законодательства. Это очень гибкая форма, которая позволяет расширять или сужать объем регулирования по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Основы призваны осветить все обилие вопросов правового регулирования и координации в соответствующих сферах деятельности органов государственной власти Федерации и ее субъектов. В Основах законодательства можно указать, какие их части или статьи подлежат непосредственному

действию. В части, которая не регулируется федеральными Основами или иными актами, субъекты Федерации должны иметь право издавать любые акты, не нарушая прав и законных интересов других субъектов. Причем по одному и тому же вопросу могут действовать и федеральные Основы законодательства (здесь надо подчеркнуть, что Основы законодательства, равно как и иные федеральные нормативные акты, по смыслу Федеративного договора не нуждаются в ратификации либо каком-то ином подтверждении со стороны субъектов Федерации), и нормативные акты субъектов Федерации. Но надо стараться избегать множественности актов по одним и тем же проблемам.

Административная реформа призвана усилить полномочия федеральных округов в системе принятия государственных решений. Федеративная реформа, инициированная бывшим Президентом России В. В. Путиным, является одной из актуальных тем для политологического анализа, поскольку для трансформирующейся российской политической системы еще не найден оптимальный вариант политической структуры, учитывающий специфику отечественной культуры, экономики и истории. К тому же отечественные социологи и политологи отмечают тенденцию движения России к гражданскому обществу, в котором государство рассматривается как совокупность институтов, осуществляющих управленческие функции в обществе. Динамика периода трансформации политической системы характеризуется постоянным возникновением задач государственного управления, для решения которых создаются новые институты власти.

Образование федеральных округов и реформирование института полномочных представителей Президента на местах являются одной из важнейших составляющих нового подхода к территориальному управлению в стране. Поэтому вполне обоснованно перспективы развития округов и текущая деятельность новых полпредов привлекают к себе самое пристальное внимание. Некоторые исследователи высказывают мнение, что от эффективности функционирования новых институтов власти в деле управления территориями, взаимодействия между федеральными и региональными уровнями власти в большой степени зависит экономическое и политическое развитие России.

В Российской Федерации принцип равноправия

субъектов федерации закреплен Конституцией. Различие между «государственным» статусом республик и «территориальным» статусом остальных субъектов Федерации формально сохраняется, но его реальное политико-правовое наполнение претерпело существенные изменения. Институционализация «русских» регионов в качестве федерированных государственных образований, развитие федерального законодательства и, наконец, административная практика федеральной власти элиминировали большую часть институциональных различий в статусе и политическом строении субъектов федерации. По нормам представительства регионов в федеральном парламенте Российская Федерация является симметричной. То же относится и к конституционно-правовому устройству российских регионов. Институциональную неразвитость федеративных отношений М. Афанасьев относит к частным проявлениям общего и коренного изъяна российской государственности – слабости публичных институтов [1, стр. 193].

В рамках политического дискурса в рассмотрении проблемы власти следует опираться на заложенный в Конституции РФ (1993 г.) принцип двойного суверенитета. Так, ч. 4 ст. 11 указывает, что отношения между федерацией, ее органами и субъектами Федерации строятся на основании заключаемых между ними договоров, в том числе на основании Федеративного договора. А это значит, что федерация и ее субъекты выступают во взаимоотношениях друг с другом как равноправные стороны, добровольно объединяющиеся в федерацию.

Примером эффективного достижения политического компромисса в течение многих лет служили отношения между федеральным центром и Республикой Татарстан – мусульманским анклавом в составе России, где этнический компонент играет очень существенную роль. При этом республика обладает значительным экономическим потенциалом, имея запасы нефти, развитые химический и автомобильный комплексы.

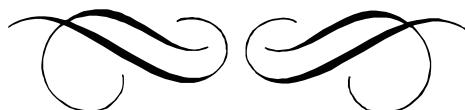
Подводя итог, отметим, что организованного взаимодействия между федерацией и ее субъектами в России пока не сложилось. Формальные «правила игры» не совпадают с реальными. Федеральный центр не столько решает спорные вопросы с субъектами федерации, сколько проводит их решение при помощи административного ресурса. В этом смысле в России пока

нет принципиальной разницы между федеративной и унитарной формой организации. Однако было бы ошибкой не замечать определенных изменений. Даже если абстрагироваться от формальных

федеративных атрибутов, регионы (субъекты федерации) обладают сегодня в России значительной фактической обособленностью и автономностью.

Список литературы

1. Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность пост тоталитарной России / (Курс лекций). – М., 1996.
2. Каграманян Н. С. Принципы и механизмы трансформации политических институтов федерализма в процессе административной реформы в современной: на примере Центрального Федерального округа: диссертация... кандидата политических наук : 23.00.02. – Москва: РГБ, 2007.

КИСТЕНЕВ Кирилл Иванович,
соискатель кафедры теории государства и права
Саратовской государственной академии права
E-mail: igp@sgap.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы системных связей субъектов российского права. Предлагается авторское определение системы субъектов права, раскрывается структурное строение системы субъектов российского права с выделением макро- и микроуровней. В качестве сложных, системных образований на макроуровне анализируются российское государство, гражданское общество, субъекты Федерации, муниципальные образования и др. На микроуровне выделяются такие сложно-структурированные субъекты, как юридические лица, государственные органы, общественные объединения.

Ключевые слова: субъект права, государство и гражданское общество как системные субъекты права, структура системы субъектов российского права.

KISTENEV K. I.

ON THE SYSTEM OF THE RUSSIAN LAW SUBJECTS

The summary: In the article questions of system communications of subjects of the Russian right are considered. Invited the author's definition of system of legal subjects, revealed structural framework of the subjects of the Russian law with the release of macro-and micro-levels As a complex system entities at the macro level are analyzed: the Russian government, civil society, subjects of the Federation, municipalities, etc. At the micro level out such hard-structured entities as legal persons, public bodies, public associations.

Key words: entity, the state and civil society as system entities, structure of the subjects of the Russian law.

Одной из важнейших задач государства выступает гарантирование основ правового статуса гражданина, предпринимателя, коммерческой или некоммерческой организации и иных субъектов. Системность, логичность установления в законодательстве правового положения субъектов российского права свидетельствует об уровне правовой культуры в обществе, а кроме того, выступают важной гарантией против правоприменительного волюнтаризма и бюрократического произвола. Поскольку законодательство является итоговым продуктом законотворческой деятельности, то достижение такого качественного его уровня предполагает совершенствование законотвор-

ческой деятельности, обновление правовых норм закрепляющих статус субъектов права, их правоспособность и дееспособность, а также юридическую ответственность как перед другом, так и перед государством и обществом в целом.

Необходимость общетеоретического анализа субъектов российского права как одного из центральных звеньев правовой системы вызвана отсутствием ясной и последовательной классификации видов субъектов права, их организационно-правовых форм, единства во взглядах относительно их системы.

В качестве перспективного метода изучения субъектов права, на наш взгляд, следует признать

именно системный подход. Система субъектов российского права представляет собой единую целостную совокупность субъектов различных категорий (индивидуальных и коллективных, частноправовых и публично-правовых), в которой они находятся в состоянии структурно-функциональных связей между собой в целях обеспечения их оптимальной деятельности в рамках правовых отношений. Например, каждая организационно-правовая форма юридического лица структурно и функционально дополняет другие формы, субъекты частного права реализуют свои юридические возможности при непосредственном взаимодействии с публично-правовыми образованиями, индивидуальные субъекты, объединяя свои усилия, образуют сложные, многосоставные субъекты права и т. д. Установление данной системы субъектов российского права обеспечивается соответствующей системной правовой регламентацией в законодательстве.

Особого внимания заслуживает вопрос о государстве как сложном системном субъекте права. Представляется, что государство выступает именно в качестве системы субъектов – органов государственной власти, должностных лиц, государственных организаций.

При этом вопрос о том, является ли государство вообще субъектом права, не имеет простого и однозначного ответа. На этот вопрос, конечно же, следует ответить утвердительно, оно есть субъект сложный, системный. Однако субъектом правоотношений государство в целом выступать не может, таковыми являются его конкретные органы, учреждения, должностные лица.

Поскольку участие государства и его частей в гражданском обороте строится на одинаковых принципах, в гражданском праве Российское государство рассматривается не только как единое целое, но и как «многоуровневое образование»: совокупность субъектов различных уровней – Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования.

В этой связи следует согласиться с С. И. Архиповым, предлагающим определение государства как системного субъекта права. По его мнению, государство является «сложной системой корпораций, связанных между собой общими принципами построения и функционирования». «Государство (как правовая корпорация) предстает не единственным суверенным

замкнутым образованием, а оказывается множеством открытых, взаимодействующих между собой правовых союзов (муниципальных, региональных и т. д.)» [1, стр. 43].

Системные связи субъектов российского права детерминированы системностью как общественных отношений, в которые они вступают, так и системностью самого права. Системный характер правоприменительной деятельности, к примеру, предопределяет наличие определенных функциональных связей между участниками правоприменительного процесса.

Образование и функционирование коллективных субъектов права вовсе невозможно без объединения отдельных индивидов, их групп, юридических лиц. Сложными системными субъектами права являются, например, государство как система государственных органов, ассоциации юридических лиц, сами юридические лица как объединение учредителей, систем органов управления и т. д.

Кроме того, как известно, политическая система в качестве своей подсистемы имеет единую совокупность политических организаций, которые также, будучи субъектами права, объединены между собой структурно-функциональными связями. Система местного самоуправления также предопределяет наличие системных связей между субъектами, осуществляющими это самое самоуправление – между органами муниципальной власти, между ними и населением.

Весьма важным признаком, который отличает индивидуальных субъектов права от коллективных (системных образований), является организационное единство последних, которое не присуще индивидуальным субъектам права. В связи с чем для отличия коллективных субъектов права от индивидуальных обосновывается выделение такого признака коллективных субъектов права, как наличие у них отношений обязательного представительства при их участии в сфере рыночных отношений. Выделение этого признака обусловлено тем, что, как правило, в состав коллективного субъекта права включено как минимум несколько лиц (это касается как юридических лиц, так и Российской Федерации, её субъектов, и муниципальных образований), а выступает в гражданском обороте от имени остальных, а если более точно, то от имени коллективного субъекта права, лишь одно лицо

(причём необязательно входящее в состав этого коллективного субъекта права) [3].

Более того, отношения обязательного представительства присущи также и коллективным субъектам права, состоящим лишь из одного лица (участника), который выступает в рыночных отношениях не от собственного имени, а от имени коллективного субъекта права.

В силу этого согласование воль и последующее выражение общей воли отдельных лиц, включённых в состав коллективного субъекта права, возможно лишь при наличии отношений представительства. Причём представительство в отношениях с другими лицами, участвующими в рыночных отношениях, происходит уже не от имени совокупности лиц, а от имени коллективного субъекта права. Признак наличия у коллективных субъектов права отношений постоянного обязательного представительства при их участии в рыночных отношениях – как раз тот признак, который выражает существенное отличие коллективных субъектов права от индивидуальных.

Таким образом, коллективные субъекты права есть не что иное, как системное образование, целостная совокупность индивидуальных субъектов права, юридически объединивших свои усилия для достижения общей цели и задач. Например, акционерное общество – это весьма сложный субъект права, представляющий собой конгломерат субъектов (органы управления – президент, совет директоров, общее собрание акционеров и др.).

Исходя из системного видения проблемы, народ, население и гражданское общество также можно представить в качестве сложных, системных субъектов. При этом государство является представителем народа, например, отношения представительства между избирателями и парламентом, гражданское общество как система индивидов и общественных организаций. В итоге можно сделать вывод – все субъекту российского права находятся между собой в структурно-функциональных связях.

Очевидно, что для определения категории «народ», помимо гражданства, полигэтничности, необходима иная качественная характеристика, позволяющая считать совокупность граждан различных национальностей единым целым – народом страны. Таким объединяющим началом выступают общие, публичные интересы. Еще в

I веке до н. э. римский философ и политический деятель Цицерон указывал, что народ есть «не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов» [4, стр. 20].

Следовательно, под народом как субъектом права следует понимать совокупность граждан государства, связанных общими интересами долгосрочного характера в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах.

Кроме того, именно система частных лиц, групп и социальных институтов, взаимодействующих на основе права, заложена, к примеру, в основу гегелевской концепции гражданского общества [2, стр. 31]. В результате *гражданское общество* можно определить как саморегулирующую систему индивидуальных и коллективных субъектов права, связанных необходимостью реализации частных интересов в личной, экономической, политической, культурной, духовной и иных сферах.

Системные связи характерны для субъектов общественных отношений и в области муниципального управления. Так, население муниципального образования составляют жители Российской Федерации, обладающие различными видами правоспособности: гражданской правоспособностью (ст. 18 Гражданского кодекса Российской Федерации); избирательной правоспособностью; правоспособностью осуществлять местное самоуправление и обращаться в органы местного самоуправления и к их должностным лицам. Именно в процессе деятельности граждан по реализации правоспособности и реализует себя такой субъект местного самоуправления, как «население муниципального образования».

Граждане как субъекты находятся внутри такого субъекта, как население. Следовательно, граждане осуществляют свое право на местное самоуправление в составе населения и вне муниципального образования (вне системных связей между собой); не находясь в составе населения, граждане свое право на местное самоуправление осуществить не могут, то есть установлены пространственные пределы осуществления права на местное самоуправление,

охватывается только город, сельское и городское поселение, где они проживают.

В качестве еще одного примера системно-структурного объединения субъектов права следует упомянуть о том, что в российской правовой науке и нормативных правовых актах уже давно используют и понятие «товарищество» для обозначения различных объединений субъектов имущественного оборота. В юридической литературе отмечалось, что «товарищеское объединение нескольких лиц для совместного достижения определенной хозяйственной цели встречается уже в самой глубокой древности. Самая идея товарищеского соглашения там, где сил одного не хватает для разрешения какой-либо жизненной задачи, сама по себе настолько проста и естественна, что всюду, где мы встречаем человека в общежитии, мы встречаем и договор товарищества. Нет такого гражданского законодательства в прошлом, которое не знал бы товарищества» [5, стр. 14].

Начиная от товариществ, как простейших форм объединения субъектов права, до таких сложных, как ассоциация юридических лиц, самого государства, как наиболее сложно организованного субъекта, прослеживается общая закономерность – а, именно, наличие многообразных системных связей как внутри указанных субъектов права, так и между ними. При этом в структуру системы субъектов российского права заложен принцип

дихотомии: субъекты публичного и частного права; коллективные и индивидуальные субъекты; коммерческие и некоммерческие организации.

Подводя итог изложению, следует представить *систему субъектов российского права* следующим образом.

Макроуровень системы образуют:

- подсистема публично-правовых образований, включая государство как систему государственных органов, учреждений, предприятий и корпораций;
- подсистема субъектов местного самоуправления – местное население, органы местного самоуправления и должностные лица;
- подсистема гражданского общества как системы граждан и их объединений, которая, в свою очередь, включает в себя подсистемы коммерческих организаций (юридических лиц), некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей.

Микросистемный уровень построения субъектов российского права представляется в следующем виде:

- юридическое лицо как микросистема субъектов – органов управления, учредителей и участников;
- государственный орган как коллектив государственных служащих и объединение должностных лиц и т. д.

Список литературы

1. Архипов С. И. Субъект права (теоретическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.-Л., 1934.
3. См.: Климанов Р. В. Коллективные субъекты права в сфере рыночных отношений: Вопросы общей теории права: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004.
4. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., 1966.
5. Шретер В. Советское хозяйственное право. – М.-Л., 1928.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант – два экземпляра форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
 - в тексте: [7, стр. 15].
 - в затекстовой ссылке: 9. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел, озаглавленный «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25
тел. / факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505

от 01 июля 2010 г.

Название Мир политики и социологии
Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российской Федерации

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ

Научный журнал
№ 1, 2010

Подписано в печать 20.10.2010. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 6,2 уч.изд. л.; 6,2 усл.печ.л. Тираж 500 экз. Заказ №

Образовательный центр “СоветникЪ”

ООО “КЭРИ” 198089, С.-Петербург, ул. Промышленная, 42-А

Технический редактор Щурова Е. Ю.

Верстка Ларин Д. А.